

ВФ

ПОВЕСТЬ
НОМИНИРОВАНА
НА ПРЕМИЮ «НЕБЬЮЛА»

БАШНЯ
ИЗ
ГРЯЗИ
И
ВЕТОК

ЯРОСЛАВ БАРСУКОВ

Ярослав Владимирович Барсуков

Башня из грязи и веток

Серия «Впустите фантастику»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67132092

Башня из грязи и веток / Ярослав Барсуков ; [перевод с английского В.

С. Юрасовой].: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-164866-4

Аннотация

Социальная фантастика, номинированная на престижную премию «Небьюла».

Пощадивший невинных граждан, министр отправляется в изгнание. Королева строит гигантскую оборонительную башню, используя устройства, привезенные беженцами из другой реальности. Но даже когда будущее зовет, и судьба человека становится неотличимой от судьбы мира, прошлое тянет нас назад, к счастливым временам и несбывшимся надеждам.

Сборник дополнен магическими историями о природе реальности, личность и древних фантастических технологиях.

«Где-то в пограничье между научной фантастикой и фэнтези – немного левее раннего Теда Чана, в нескольких градусах к югу от Мьевилля – Ярослав Барсуков словом, как кистью, вывел мир, который я вижу, закрывая глаза». – *Питер Уоттс*

«Эта изумительная научно-фантастическая история об опасных технологиях таит в себе потрясающей красоты пассажи, к которым стоит возвращаться снова и снова». – *Kirkus Reviews*

Содержание

Башня из грязи и веток	6
Пролог	6
Часть I	17
Часть II	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ярослав Барсуков

Башня из грязи и веток

Cover © by Kévin Barbot

ВПУСТИТЕ ФАНТАСТИКУ

© Барсуков Я., текст, 2022

© Юрасова В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Башня из грязи и веток

Пролог

Шэй Эшкрофт вышел из кареты в тускло освещённый тупик, и дворняга подняла морду, которой впору было украшать дверной молоток, из мусорной кучи.

Собаки. Они захватили столицу неделю назад. Ветер таскал по тротуару гирлянды из битого стекла, продуктов и предметов обихода, и собаки подбирали всё, что могли сжевать: мясо из разгромленных лавок, зелень, чьи-то ботинки.

Смелости животным было не занимать. Это люди прятались по домам – и половина из них кляла единственного человека, который мог «остановить насилие ещё в зачатке». Его.

Трое при королевском дворе, которых он прежде считал друзьями, уже посоветовали ему выступить с публичными извинениями. Он велел им отправляться к чёрту.

Пёс выскочил на середину улицы. Он лаял и прыгал на месте, щёлкая зубами и пытаясь схватить что-то, до чего не мог дотянуться.

– Хороший мальчик, – сказал Шэй. – Только эта косточка для тебя великовата.

«Косточка» висела на высоте второго этажа – столб газо-

вого фонаря, распоркой тянувшийся между противоположными зданиями, комично, непостижимо. Ходили слухи о мародёрах, в чьи руки каким-то образом попала пара устройств Дракири – тюльпанов, как называла их его сестра, когда ещё была жива. Всё, к чему они прикасались, становилось не тяжелее листа бумаги.

По всей видимости, заполучив нечто подобное, нужно было обязательно попытаться украсть уличное освещение – а может, это был утончённый вандализм или своеобразная попытка пошутить? Ища следы повреждений, Шэй скользнул взглядом по стенам.

– Идиоты играют с огнём, – сказал он дворняге. – Жаль, что они рискуют не только своими жизнями.

Пёс гавкнул и снова подпрыгнул, не обращая внимания на щебень под лапами.

Дверь из резного дуба, третья справа. Шэй нажал на дверную ручку и спустился по ступеням в подвал.

Лакей, встретивший его в вестибюле и забравший пальто, сказал:

– Спасибо вам.

Он выглядел смутно знакомым: квадратный подбородок, глаза, запавшие в гусиные лапки.

– Я вас знаю?

Тот ничего не ответил, зато откликнулась память Шэя.

...толпа протестующих, огромная сгущённая масса рук, ног и глоток катится к нему, и – «Назад, назад, тесните их на-

зад», запах крови, лейтенант перегибается через балюстраду, извернувшись, смотрит в красновато-коричневое небо – «Где же этот чёртов воздушный челнок?», затем громадная тень падает на терракотовую черепицу.

«Министр, мы должны исполнить приказ королевы. Нам необходимо ваше разрешение применить против толпы газ. Министр, придите в себя. Лорд Эшкрофт. Шэй».

Чьи-то руки хватались за него, трясли, тыкали, но его взгляд сосредоточился на маленькой девочке в розовом платье, чьи большие глаза смотрели на мир так, словно видели его в первый раз, мир в тени воздушного челнока.

«Нам нужно ваше разрешение применить газ...»

«Нет. Отступаем».

«Министр?»

«Я сказал, отступаем...»

Мужчина повесил его пальто на вешалку.

– Вы там были, – сказал Шэй. – В толпе, рядом с девочкой в розовом.

Тот кивнул.

– Мы все живы благодаря вам, министр.

«Но теперь половина города разрушена... тоже благодаря мне».

Он гадал, почему его ещё не лишили титула.

За внутренними дверьми находился карманных размеров театр, восемь или девять рядов, шесть из которых пустовали. И всё же здесь присутствовала дюжина зрителей – потому

что представления должны продолжаться даже в такие времена и потому что для крошечных заведений настал звёздный час.

Ведь все большие были разгромлены.

Шэй опустил рядом с худощавым мужчиной в чёрных перчатках.

– Необычное место для встречи. Вы хотели меня видеть, милорд?

– Пожалуйста, милорд, просто Эйдан. Знаю, мы с вами мало общались, но мне ещё нет сорока... как и вам, если не ошибаюсь.

– Почему в театре?

– Чтобы нам никто не помешал разговаривать.

– В эту неделю для этого достаточно выйти на улицу, – сказал Шэй.

– Да, но в эту неделю на улицах небезопасно. Я...

Его прервали аплодисменты. Занавес разошёлся, и за ним показались декорации: звёздное пространство, а на его фоне что-то тёмное и цилиндрическое. Актёр в оранжевом выскочил на сцену, согнувшись в поклоне.

– Дэлин, наша королева, строить башню повелев, у мужчин забрала золото, молоко взяла у дев...

«Так это про Оуэнбегскую башню», – подумал Шэй.

Он видел официальные дагерротипы – огромный столп, больше похожий на живое дерево, чем на творение рук человеческих, но детали всегда были размытыми, а подписи к

снимкам больше напоминали лозунги. «Крупнейшее здание в истории», – попробуй такое вообрази.

Шэй полуобернулся к Эйдану:

– Ещё одна постановка про башню?

– Строительство продвигается не очень гладко. Там что-то произошло. До людей доходят слухи.

На сцене мужчина в оранжевом подпрыгнул.

– Затем королевой был отдан приказ отправить слугу на границу...

Из-за багровых кулис показался ещё один актёр, в шёлковом камзоле.

– Слуга оказался не шибко умен и жизни там быстро лишился, – продекламировал первый.

– Эти сплетни я тоже слышал, – сказал Шэй. – Что Дэлин отправит туда кого-то из придворных. Бедняга, кто бы он ни был.

– Вообще-то... – Эйдан указал пальцем на актёра в шёлковом камзоле. – Вообще-то это вы на сцене, Шэй. Я ведь могу звать вас Шэй?

– Что?

Женщина, сидевшая прямо перед ними, повернула голову:

– Вы не могли бы потише?

– Что значит «это я»? – шёпотом произнёс Шэй.

– Официально ещё ничего не известно, – сказал Эйдан, – но мне сообщили, что Дэлин издаст указ завтра. Вам придёт-

ся уйти с текущей должности и стать интендантом её величества в Оуэнбеге. Вы будете осуществлять надзор за строительством башни.

– Какого чёрта?! – Женщина снова обернулась, и Шэй сказал: – Извините. Какого чёрта, Эйдан?

– Я же вам сказал: там что-то произошло, и ей нужно...

– Я могу обосновать каждое решение, которое принял во время беспорядков. И что ещё за интендант?

– Должность относительно новая. Честно говоря, я бы скорее счёл это не наказанием, а возможностью. Поэтому-то я и хотел с вами побеседовать...

Он продолжал говорить, но Шэй больше не слушал. Актёры скакали по сцене и пели, смешно коверкая голоса. Позади кто-то периодически смеялся. Женщина в переднем ряду достала веер.

В какой-то момент он просто встал и пошёл прочь.

– Милорд! – позвал его Эйдан, но он продолжал пробираться к выходу.

Снаружи пёс уже перестал пытаться достать недостижимое и вернулся к раскопкам в мусорной куче.

* * *

Тихий ручеёк улицы, фонарные столбы, перемежающиеся с деревьями, булыжное мощение, под определённым углом и в определённый час похожее на рябь на воде. Он подождал

на переднем крыльце, но, как и во всём остальном городе, ничто не двигалось, не пело.

Шэй наткнулся на это место через два года после того, как переехал в столицу, и ещё через два дня приобрёл здесь дом. Казалось, что кто-то поместил сюда кусочек прошлого, из Мускусной долины, из мира, принадлежавшего ему и его сестре.

Порой, когда шёл дождь, в окне напротив загорался свет, за жёлтыми занавесками начинали плавно кружиться силуэты и играла мандолина. Иногда силуэт был лишь один – танцующая женщина с шарфом на плечах.

Ему всегда хотелось постучать в ту дверь и представиться... а теперь эта возможность ускользнула. Какая хирургическая точность – он нашёл это место в тридцать лет и утратил в тридцать пять.

Шэй открыл дверь и вошёл в дом, который больше ему не принадлежал. Солнечный свет падал через арочное окно над дверью, заставляя призрачный цветок распускаться на полу.

Его лакей, Джордж, куда-то вышел, но шорохи, доносившиеся с кухни, означали, что Шоуна – экономка – была здесь. «Поговорю с ней позже, когда соберу вещи».

Спальня выглядела стерильно чистой – Шоуна здесь уже убралась, – отчего чувство, что он всего лишь случайный гость в этом доме, только усилилось. Шэй открыл шкаф и, не глядя, стал бросать одежду на кровать – каждую вторую рубашку, каждый третий камзол.

Когда на ковёр упало что-то блестящее и серебристое, он остановился. Поднял фигурку павлина, покрутил её в руке, давая солнечным лучам из окна поиграть на распушённом хвосте.

Дирдра дала ему эту фигурку в тот день, когда он отказался исполнить приказ королевы – положить насильственный конец беспорядкам.

– Таких, как ты, уже почти не осталось, – сказала она. – Я восхищаюсь тем, что ты сделал.

В нём поднялась горькая волна. Она была знаменитым скульптором, специализировавшимся на статуэтках, «королевой малых форм» и приближённой настоящей королевы. Если Дирдра «восхищалась» его решением, почему она не встала на его защиту? Почему никто этого не сделал?

Шэй помедлил, затем швырнул павлина на кучу одежды на кровати. Пусть подарок был и бестолковым, но он по крайней мере означал, что Дирдре было не всё равно, а многих других он не мог сказать даже этого.

– Вы собираетесь в поездку, мистер Эшкрофт?

«И давно она стоит на пороге?» – Локон серых волос выбился из-под привычного чепчика Шоуны, а её мучнистые руки беспомощно повисли по бокам. Она понимала – что-то случилось.

– Я переезжаю в Оуэнбег, Шоуна. – Шэй посмотрел на стены, на кровать, на шкаф. – Я только что был во дворце, и... меня отстранили. Послушайте, на шкафчике в гостиной

лежит конверт – я оставил вам, Джорджу и девочкам деньги и рекомендательные письма...

Шоуна бросилась вперёд и обхватила его за талию – она была не очень высокого роста, – и он замер, не зная, что делать, в то время как женщина, годившаяся ему в матери, рыдала ему в живот. Так они и стояли, и в конце он сам был готов заплакать. Шэй положил руку ей на голову – чепчик упал – и погладил по волосам, как ребёнка.

– Я знала, что так будет. Что же это за мир такой, мистер Эшкрофт? Вы всё правильно сделали. Вы всё сделали правильно.

– Я знаю.

И тогда он услышал звуки мандолины, но теперь это было уже не важно.

* * *

Всё происходило как во сне – медленная поездка к окраине города, разгрузка одинаковых чемоданов. Подъём на причал, где примостился воздушный челнок.

Дама с южным акцентом, который она тщательно пыталась скрыть, сказала Шэю, что место в первом классе уже занято, но «наш второй класс ничуть не хуже». За дверью, к которой она его подвела, находилась каюта, напоминавшая реквизиторскую театра: диван, от которого несло потом, столик и ваза с цветами, которые давно опоздали кому-нибудь

на могилу.

– Не желаете ли выпить? – спросила южанка.

Он ответил:

– Я не пью.

– В таком случае чаю?

– Да, пожалуйста.

Она принесла одинокую фарфоровую чашку на пару с чайником, холодным, как лёд. Шэй не был уверен, что это ещё одно оскорбление или просто халатность; да и, по правде говоря, ему уже было всё равно.

Когда челнок скользнул в прощальный пролёт над столицей, направляясь туда, где горизонт выжимал из солнца последние капли, Шэй сел и отхлебнул безвкусного отвара. За иллюминатором проплывал дворец, Красный холм, медовые соты огней на сторожевых башнях. «Считайте это возможностью», – сказал ему Эйдан.

– Я очень надеюсь, что вы не имели в виду возможность совершить самоубийство.

Его сестра, будь она жива, гордилась бы им: он мог отказаться от назначения, как отказался от того приказа, мог молить о снисхождении. Но было что-то благородное, даже романтическое в том, чтобы принять несправедливое наказание. «Я принял решение, я бы поступил так снова. И теперь я отвечаю за последствия».

«Если мне нужно позаботиться о том, чтобы башня была построена, – подумал он, – то это будет самое скорое и эф-

фактивное строительство в истории. Я найду способ вернуть себе то, что у меня забрали».

Он поднял чашку, насмешливо отдавая честь дворцу, который проплыл мимо и исчез из виду.

* * *

Вот и закончилась моя жизнь в столице, Лена, дорогая моя сестрёнка. Когда тебя не стало, я пытался двигаться дальше, сосредоточился на карьере – и посмотри, к чему это привело.

Пожалуйста, прости, что я так долго с тобой не разговаривал. Наверное, поворотным моментом для меня стал тот приём, когда меня спросили, кто ты такая, и я осознал, что говорю вслух. Люди подумали, что я свихнулся, и, конечно же, это безумие – вести воображаемые беседы с умершей, но ведь мы все безумны в той или иной степени, верно? Загвоздка лишь в том, чтобы определить, насколько велика твоя степень.

Как же мне хочется, чтобы сейчас ты была со мной рядом и чтобы я мог быть таким же стойким, как ты.

Часть I

Герцогство

1

Шэй пробудился, когда корабль совершил скачок в преисподнюю.

Отлакированную дневным светом каюту подбросило, потряхнуло, и наконец она ухнула вниз. «Может быть, мы попали в воздушную яму, – прошептал голос в его сознании. – Полежи спокойно минутку, всё пройдёт».

Он оторвал руку от матраца и поднял её к лицу – мизинец чуть-чуть дрожал. Ещё один толчок скинул его с дивана, и где-то в недрах гондолы две дюжины глоток слились в коллективном вздохе.

Шэй уже собрался присоединиться к ним, как шальная мысль заставила его нервно рассмеяться: «Впал в немилость. На этот раз, похоже, буквально».

Ну уж нет, с таким концом он был не согласен.

Застёгивая на ходу рубашку, он выглянул в коридор. Справа от него дверь в каюту люкс распахнулась, выплюнув мужчину в смокинге. Смерив Шэя взглядом, он бесцветным голосом спросил:

– Мы что, все умрём?

«Значит, та южанка не солгала – первый класс и правда занят».

Шэй протиснулся мимо него.

– Не стойте в коридоре. Возвращайтесь в каюту и держитесь за что-нибудь.

Позади бесцветный голос повторил:

– Мы все умрём?

– Если соберёмся, я вам сообщу.

Коридор расширялся, переходя в кипенно-белый зал ресторана с осколками разбитой посуды на полу. Столовые приборы зазвенели в такт его стуку в дверь мостика.

– Шкипер? Что происходит?

Прошло добрых десять секунд, и чей-то голос произнёс:

– Кто там?

– Эшкрофт. – Очередной нырок впечатал его в стену.

Дверь приоткрылась, и в щели появилось рябое лицо.

– Министр?

– Бывший. Впустите меня.

– Впусти его, Джона, – сказал другой голос.

Рубка управления была похожа скорее на срез световой камеры маяка, чем на мостик морского судна; вчетвером тут было бы тесно.

Капитан, одетый в оливковый парадный китель Оуэнбега – их пункта назначения, стоял у руля. Шэю он представился набором разрозненных черт: широкий затылок, бакенбарды,

складка на брюках. Рябой же – видимо, старпом – держался за второй штурвал.

– Чем я могу вам помочь, министр? – не оборачиваясь, спросил капитан.

– Вы можете объяснить, что это за чертовщина творится.

– Полагаю, вы впервые в герцогстве?

– Как и многие другие пассажиры, по всей видимости. В каютах сейчас тренируются петь оперу.

– Это всего лишь турбулентность.

– Я знаю, как выглядит турбулентность. – Рубка выдала очередное па, и Шэй схватился за железный рычаг, чтобы не упасть.

– Министр, пожалуйста, отпустите рычаг, – сказал рябой мальчишка.

– Я знаю, как выглядит турбулентность. Это похоже на пляску пьяных матросов.

– День сегодня неудачный, вот и всё, – сказал капитан. – Всё дело в ветре. Ветер ударяется о неё, разлетается во все стороны, набирает скорость. Нам перья ерошит.

– Обо что он ударяется?

– По правому борту, мистер Эшкрофт.

Всё ещё не поворачиваясь, капитан махнул рукой. Шэй посмотрел в ту сторону и ахнул. Сделал несколько неуверенных шагов к иллюминатору.

За ним простиралось нечто необъятное, нечто тёмное, полоска вечернего неба, врезанная в полдень. Сказать, что

башня огромна, всё равно что сравнить вулкан со спичкой, – это был ствол горы, освобождённый от предгорий, а разбросанные в её тени деревеньки вполне могли быть картонными игрушками.

И это за неё он отвечает? Разве он может что-нибудь с ней сделать, что-нибудь проконтролировать?

– Боже, – сказал Шэй, – на какой мы высоте?

– Триста шестьдесят метров.

– Какой же высоты эта чёртова громадина?

– Примерно триста. И, поговаривают, они собираются нахлобучить сверху ещё триста... но об этом мне, пожалуй, стоит спросить у вас, разве нет?

– Простите?

– Лорд Эшкрофт, мы же тут не дураки.

В этот момент Шэй увидел себя со стороны: аристократ, ворвавшийся на мостик, оттолкнувший человека, который, наверное, год копил, чтобы прокатиться в первом классе. Каким тоном он говорил, какими словами. «Шкипер».

Он протянул руку:

– Кажется, нас официально не представили, капитан.

– Лиам Сэлас. Добро пожаловать на границу, министр.

– Я не...

– Я хотел, чтобы вы знали... Я вообще-то собирался навестить вас в каюте, прежде чем вы столь изящно вломились к нам... Я рад, что вы здесь. Вопрос, конечно, непростой с политической точки зрения, но мой сын был среди протесту-

ющих.

Рукопожатие продлилось дольше, чем того требовала вежливость – к счастью для Шэя, потому что иначе от следующей встряски он бы растянулся на полу.

– Я поступил так, как поступил бы любой нормальный человек, – сказал он.

– Вы удивитесь, но это не так.

– Нужно быть полнейшим отморозком, чтобы применить газ на людях.

– И тем не менее королева отдала такой приказ, верно?

Колоссальное сооружение приближалось, и Шэй прищурился.

– А что это за розовый блеск? Вон там и там. Что это за точки?

– Ах, эти. Это техн.

– Что ещё за техн?

– Устройства дракири.

Шэй открыл и закрыл рот, и мостик сжался, сдавливая его, а в памяти всплыл образ другой комнаты с серыми стенами, пятнами копоти, стульями с искорёженными ножками, душком чего-то неизвестного, чужеродного и ещё одним запахом, от которого выворачивало наизнанку – запахом палёной плоти.

– Это безумие. Вы используете технологии дракири в строительстве?

– Я вообще-то кораблём управляю. Но да, строители ис-

пользуют их техн.

– Почему этого не было в отчётах?

– Я-то откуда знаю? Спросите герцога... или Бриэль.

– Бриэль?

– Главного инженера.

– Почему этого не было в отчётах? – прошептал Шэй.

«Лена, Лена, посмотри, что они натворили».

– Я не имею ничего против дракири или беженцев в целом, – сказал капитан. – Половина герцогства до сих пор клянёт тот день, когда отец Дэлин даровал им поселение на нашей земле, но я думаю, что тогда старый подонок в первый и последний раз поступил правильно.

– Мистер Сэлас, поверьте, я тоже не имею ничего против дракири. Но это... – Шэй постучал костяшкой по иллюминатору. – Давно вы используете техн?

– Повторяю, вам лучше спросить мисс Бриэль.

– В чью голову пришла эта светлая идея?.. Технологии дракири – бомба замедленного действия. Я знаю это по своему опыту.

Они оба молча смотрели в окно на приближающегося гиганта.

* * *

Хуже всего, сестрёнка, что я не всегда могу вспомнить твоё лицо. Порой я вижу тебя во сне, а когда просыпаюсь,

детали рассеиваются, растворяются в том, что приносит новый день: в тепле, сиянии и пыли. И тогда я, взрослый мужик, навзрыд плачу – из-за того, что ты превращаешься в воспоминание.

Мне сказали, что всё это часть «исцеления», Лена. Ты можешь в это поверить?

2

Жёлтая тропа относительно прямой линией тянулась от причала воздушного челнока; она была похожа не на настоящую дорогу, а скорее на колею, вспаханную в поле огромным пальцем. В конце ждали четыре повозки.

Шэй позволил парню из каюты-люкс первым выбрать себе лошадь; остальные пассажиры в белых и коричневых брюках и в платьях пошли пешком. Половину из них за час до этого, должно быть, вывернуло наизнанку – их лица покрывала бледность, но глаза сияли: «Только посмотрите на неё. Смотрите».

Башня заслоняла солнце, накинув покрывало длиной в километр на поля, тополя и деревню, ютившуюся у подножия холма, на котором, свернувшись гусеницей, дремал замок. Муравьи копошились по вертикальному остову башни; половина из них висели на ниточках на такой высоте, что Шэю пришлось задрать голову. Рабочие. Некоторые вползали и выползали из дыр, сочившихся розовым сиянием.

Тонкая полоса на горизонте была королевством Думы, возможно, с их не столь технически совершенными, но многочисленными воздушными челноками, и воображение Шэя нарисовало ему иное небо – алое – и корабли, огненными шарами падающие вниз, и шёпот стрел из баллист башни. Неудивительно, что Дэлин столько вложила в это строительство – оно было её наследием, самым дерзким оборонным сооружением из когда-либо построенных человеком.

Голова закружилась.

Словно проблеск чего-то обыденного, сухопарый возник, прислонившись к забору в некоем оцепенении, рассматривал проходивших мимо людей.

– Я прибыл, – сказал Шэй. – За мной, случайно, не прислали сопровождающих?

Мужчина скосил на него глаза.

– Чего?

– Из замка не присылали карету, чтобы забрать меня?

– Если и присылали, то мне уж точно об этом не сообщили.

Они посмотрели друг на друга.

– Что ж... Вы не могли бы хотя бы помочь мне с багажом?

Даже когда лошадь пошла размеренной рысью, башня осталась неподвижной, словно составляя единое целое с оранжево-розовыми облаками – картина на огромном плоском полотне.

Вдали, по полям, блуждающими огнями плыл ряд жёлтых

точек.

– Надеюсь, мне это не мерещится, – сказал Шэй.

– Жёны. – Возница щёлкнул языком. – Невесты. Фонари нужны для бригаиров, которые остаются на ночь на стройке.

– Разве у них там нет фонарей?

– Это такая традиция.

За одно дыхание до заката облака на горизонте, казалось, поймали отблеск процессии – а внизу, на земле, что-то шевельнулось в душе у Шэя. Возможно, где-то там и для него горел фонарь. Возможно, за очертаниями башни что-то ждало своего часа.

Он ухватился за эту мысль как за спасительную нить и попытался сосредоточиться на ощущении. «Это ещё не конец, мы ещё повоюем».

На окраине деревни мальчик и девочка, оба с парой коричневых пятен вместо коленок, бегали кругами, швыряя друг в друга пылью.

– Посмотрите-ка на него, – сказал возница. – Вы только гляньте на этого парня.

На противоположной стороне дороги мужчина тянул за собой пустую двухколёсную повозку. Что-то в нём было неестественное, и через миг Шэй понял, что именно – тот двигался слишком быстро, словно бежал марафон, только без видимых усилий. Не бугрились мышцы. Он скользил.

– Дракири. – Возница беззлобно сплюнул, как будто отда-

вая некую странную дань уважения. – Могут целый день эти штуки тянуть. Вот только это не настоящие повозки.

– Почему?

– Мы зовём их дрикшами. Нет места для багажа.

– Мне было бы противно – люди ездят на людях, – сказал Шэй. – Ну или на дракири, неважно. Не могу понять, как это можно не считать оскорбительным.

– Вы только им этого не говорите, начальник. А то приложат вас по голове всей телегой. Сильные они, эти ребята. Намного сильнее вас или меня.

– Да, слышал. И всё же, такой труд не становится менее унижительным от того, что им проще его выполнять.

– Здесь не так много работы, начальник. Можно трудиться в полях, но им это не особо по душе.

Дракири, не сводя глаз с дороги, промчался мимо них.

– А что насчёт башни? – спросил Шэй. – Готов поспорить, один из них мог бы заменить пару ребят на стройке.

– Башня им тоже не по душе. Н-но! – Возница хлестнул лошадь по крупу. – Нет, башня им совсем не по душе.

– Почему?

Тот пожал плечами.

Они проезжали мимо домов со слепыми решётчатыми ставнями, залепленными пылью, мимо мясника с пивным животом и грязным фартуком, волочившего ноги, словно для него время шло медленнее, мимо детей, дурачившихся в грязи, мимо куч сгребённой листвы.

Треугольники деревянных крыш скрыли башню от восходящей луны, и, как только она исчезла, вместе с ней оборвалась и спасительная нить Шэя: он был на границе, в самой глубокой провинции, какую только можно себе представить, на чьей-то земле, без полномочий; инородный элемент, который пытались приживить на местную иерархию. «Эта система интендантства – ведь Дэлин, скорее всего, придумала её лишь для того, чтобы было куда ссылать неудачников».

В каком-то смысле он оказался в том же положении, в каком был восемь лет назад, когда покинул семейное поместье.

Приветственный кортеж ожидал его у ворот замка – седовласая женщина с орлиным носом на фоне стены, которая в свете заката казалась слепленной из песка.

– Я – Фиона, мажордом, – сказала она, но, когда он протянул руку, не шелохнулась, так и оставшись стоять со сложенными на животе руками. Пальцам мог бы позавидовать музыкант, не будь они изуродованы артритом.

Шэй сказал:

– Видимо, следующий торжественный приём я увижу уже на своих похоронах.

Она не ответила – молча расплатилась с возницей и повела Шэя через дверь сбоку от ворот, по лестничному пролёту и по узкой тропе крепостной стены.

За амбразурами растворялись остатки дня: по краю башни, словно по краю чёрной печи, капало расплавленное солнце.

– Мы направляемся в старейшую часть замка, в крыло Кейли, – сказала Фиона, не оборачиваясь и не сбавляя шаг. – Кейли была дочерью первого герцога.

– Честно говоря, особым любителем истории я никогда не был.

– Это наше гостевое крыло... Впрочем, должна признать, что гостей у нас много не бывает. Не беспокойтесь, мы всё равно стараемся держать всё в чистоте.

– Благодарю.

– Герцог ожидает вас через час, – сказала она.

– Неплохая шутка.

– Разве похоже, что я люблю шутить, милорд?

– Он меня что, в десять вечера видеть хочет?

– В этом замке мы работаем днём и ночью.

– В особенности ночью, судя по всему. Я только что прилетел, путь был долгим – мне, по крайней мере, нужно принять ванну...

– И поэтому я сказала «через час», а не «прямо сейчас».

Ещё один лестничный пролёт, на этот раз ведущий вниз, к дубовой двери, которая, судя по всему, могла выдержать натиск тарана.

Покои на первый взгляд казались роскошными: гостиная размером с деревенский домик, два обитых зелёным бархатом дивана, выход на балкон, шесть газовых ламп под потолком, все рабочие; за арочным проходом – королевская кровать и гобелен, который изображал битву у замковых стен,

вероятнее всего вызванную тем, что барон А отбил у барона Б тележку с овечьими шкурами или чем-то столь же важным. Эмалированная ванна, более или менее белая.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что половицы скрипели у Шэя под сапогами, и первая же деревянная стенная панель качнулась у него под пальцами; что же касалось диванов, то моль уже изрядно погрызла бархат.

Фиона стояла на пороге, ожидая, когда он закончит осмотр.

В ванной он открыл горячую воду, но из крана донеслось лишь одинокое урчание, разнёсшееся по кишечному тракту замка.

– Где горячая вода?

– Утром, с девяти до одиннадцати, – сказала Фиона, стоя в дверях. – Тут вам не столица, лорд Эшкрофт.

Она явно отрепетировала эту реплику.

«Вот почему такая спешка», – подумал Шэй. Нельзя дать новенькому – уставшему, потному – расслабиться. Пусть знает своё место. Что ж, он тоже умел играть в эту игру.

Он повернул второй вентиль. Вода, потёкшая по пальцам, была ледяной.

– Скажите герцогу, что я встречу с ним через два часа, миледи. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь, чтобы меня разбудили через час.

– Герцог сказал...

– А мне всё равно. Я встречу с ним через два часа, или

ему придётся обсуждать со своими людьми что-то другое. Я слышал, что погода – самая беспроегрешная тема для разговора. – Он посмотрел на собственное отражение над раковиной. – Эту фразу не забудьте тоже отрепетировать.

3

Герцог не принял его ни в зале совета, ни в большом зале, ни в каком-либо другом месте, обычно отведённом под официальные встречи. Слуга провёл Шэя обратно по крепостной стене в «новый замок», и они нырнули в лабиринт из узких коридоров и поворотов на сто восемьдесят градусов, скорее всего призванных создать иллюзию пространства.

Нет, герцог принял его в своей гостиной, что, конечно же, было намёком: Шэя считали гостем, важным, но не из тех, кто задерживается надолго.

Оконные проёмы зияли чернотой, но от стен отражался тёплый жёлтый свет, отчего казалось, будто жизнь окунула всё, что находилось между ними, в янтарь, чтобы сохранить до прибытия Шэя.

Открывшаяся перед ним сцена словно сошла с картины: худой мужчина лет шестидесяти сидел на атласном диване, на его поджатых губах уже играла язвительная улыбка; справа от него стояли пятеро: четверо парней, выглядевших так, словно их выстругали из одного полена, и одна женщина. Они вряд ли ждали его более десяти минут, но из-за жёлтого

освещения и наигранных поз казалось, будто они пробыли здесь вечность.

– Добро пожаловать в Оуэнбег, Эшкрофт, – сказал герцог.

– Милорд, королева передаёт вам...

– Ах да, и как же поживает старая карга Дэлин? – Мужчина оживился, скрестил ноги и облокотился на руку. – Уважаемые, знаете ли вы, что в детстве с нами занимался один и тот же учитель астрономии? Должен признать, она была умнее меня... вот только интересовали её в основном не звёзды, а то, что было у мальчишек...

Шэй моргнул.

– Милорд, я не уверен, что уместно в присутствии дамы...

– Да, да, давайте обойдёмся без любезностей. Господа, это Шэй Эшкрофт, бывший министр внутренних дел, бывший советник королевы и, начиная с сегодняшнего дня, интендант в наших скромных владениях. Что бы это, чёрт возьми, ни значило. Ну а эти товарищи... – Он театрально махнул рукой. – Это Патрик, мой военный советник; Циан, советник юстиции. – Он перечислил имена остальных, опустив титулы и фамилии. – Мисс Бриэль – наш главный инженер башни.

Рыжеволосая женщина лет тридцати – тридцати пяти, с идеальным овалом лица и полноватой фигурой, стояла ближе всех к дивану. Мужчины, не отрываясь, смотрели на своего господина, подобно актёрам, ожидающим своего выхода на сцену, – она единственная взглянула Шэю в глаза. Кивнула.

– А это, – сказал герцог, – Лена, моя советница по делам искусств.

На мгновение герцог для Шэя исчез.

«Такие совпадения бывают?»

Не только её имя, но и что-то в профиле, в том, как она себя держала...

Стоя в углу, глядя в слепое окно, словно не участвуя в приёме – почему он её поначалу и не заметил, – Лена была на полголовы выше всех остальных, не считая самого Шэя и мужчины, которого герцог назвал Патриком. На ней было длинное платье под цвет волос, чёрной волной ниспадавших по спине и обрамлявших лицо с точёными, как у скульптуры, чертами.

Он никогда не слышал о советниках по делам искусств, да и у герцога не было репутации их покровителя; скорее всего, их что-то связывало. «Любовники, значит».

– Не хотите выпить?

– Я не пью, милорд.

– Я правильно понимаю, что, будучи интендантом, вашей основной обязанностью будет строчить отчёты для Дэлин?

– Не совсем. Это...

– Как часто?

– Королева ожидает ежемесячных докладов.

– Чудесно, – улыбка. – Чудесно. Давайте договоримся на какой-нибудь день, скажем, первый понедельник месяца. Фиона будет навещать вас и сообщать всё, что нужно, о ходе

строительства.

Вот, значит, как он хотел всё устроить. Его мажордом в роли цензора, девственная отчётность, лишённая всех подробностей, которые Дэлин «необязательно знать», умалчивания, узаконенные подписью самого Шэя.

– Давайте не будем торопиться, милорд? – сказал он. – Прежде чем мы договоримся о курсе действий, я бы хотел завершить осмотр достопримечательностей.

– То есть?

– Я желаю посетить башню.

Улыбка стала ещё шире, но глаза герцога превратились в две ледяные проруби.

«А вот теперь начинается настоящая игра».

– Зачем? – спросил он.

– Я должен лично оценить, как продвигается дело.

– Мы предоставим вам все подробности.

– Так же, как предоставили информацию о техне дракири?

Лена, которая до этого момента, казалось, была погружена в собственные мысли, повернула голову ровно настолько, чтобы встретиться с Шэем взглядом. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом он продолжил:

– Королева слышала, что вы столкнулись с проблемами.

Лицо герцога на оттенок приблизилось к красному.

– Слухи, распускаемые идиотами.

– Милорд, если позволите, – сказала главный инженер.

Бриэль. – Мы использовали устройства дракири, чтобы уско-

ритель строительство...

Герцог отмахнулся от неё:

– Да, так мы и поступили. Разве Дэлин не этого хочет?

– Я не могу говорить за королеву, но что-то мне подсказывает, что она хочет, чтобы это предприятие завершилось успехом и башня не треснула, как скорлупа. Что, собственно, случится, если вы продолжите использовать эту технологию. – Шэй повернулся к Бриэль: – Когда я смогу посетить стройку, миледи?

Она открыла рот, но герцог снова прервал её:

– У вас есть опыт в строительстве?

– Нет.

– Вот именно, чем вы там занимались, пока не стали министром? Возглавляли обувной завод?

– Я руководил мебельной мастерской, милорд. Это было семейное предприятие. Причём достаточно большое – мы поставляли...

– Большое, как моя задница. – Герцог хлопнул рукой по подлокотнику кресла. – Мне всё равно.

Он мог позволить себе грубость. У него была по меньшей мере двадцатилетняя фора в политике, и это была его вотчина.

Все в комнате, включая грифонов на настенных гобеленах, уставились на Шэя.

Он мог надавить на них, воспользоваться своим статусом посланника королевы, но не станет ли ситуация от этого

только хуже?

– Послушайте, я понимаю, что вам кажется, будто я посягаю на вашу власть, – сказал он. – Но я здесь лишь для того, чтобы помочь. Мы хотим одного и того же...

– Вот оно. – Герцог вскочил с кресла. – Вот оно. Вы сидите у себя на Красном холме и думаете, что знаете, как тут обстоят дела. Позвольте вам сказать: ничего вы не знаете. Для Дэлин башня – всего лишь способ потешить самолюбие.

– Нет, это высота, с которой баллисты смогут сбивать гипотетические воздушные челноки. Так её видите вы, так же её видит и она.

– Старуха Дэлин видит лишь памятник собственной гордости. Нам же эта чёртова башня нужна, чтобы выжить.

– А, так теперь мы о выживании говорим. Простите, милорд, но то, что вы граничите с Думой, не делает...

– Да неужели? – Герцог двинулся на Шэя и остановился на полпути, у незримой разграничительной линии, не желая отделяться от своей свиты. – Вы видели их кронпринца? Того, который правит страной с тех пор, как его отца хватил удар?

– Это чистой воды разжигание воинственных настроений, и вам это прекрасно известно. Ещё в моём детстве кто-нибудь постоянно говорил о том, что думцы нападут на нас.

– Границу перейдите. – Герцог ткнул пальцем в чёрное окно. – Прошу вас. Съездите в Полтаву. Это их деревня, но половина населения – наши люди, оставшиеся там, когда карту перекроили. Точнее, они были нашими. Посмотрите, что

они сделали с деревней, и сами всё увидите.

– Не стоит также забывать о попытках диверсии, – сказал Патрик, военный советник, неожиданно ясным, решительным баритоном. – Кто, если не кронпринц...

Герцог, переминавшийся с одной ноги на другую, замер, и в его глазах промелькнуло новое выражение. Страх.

Шэй шагнул вперёд:

– Попытки диверсии?

– Мы не... – начал Патрик.

– Закрой рот, – сказал герцог. – Просто закрой рот. Можешь ты закрыть рот, когда я прошу?

– Жду не дождусь, когда вы предоставите мне все подробности, – сказал Шэй.

Бриэль вздёрнула подбородок:

– Милорд, думаю, нет никакого вреда в том, чтобы показать лорду Эшкрофту башню. Честно говоря, думаю, нет никакого вреда в том, чтобы показать её кому угодно.

Герцог долго сверлил белого, как лист бумаги, Патрика взглядом. Затем он перевёл глаза на Бриэль, видимо, решая, стоит ли продолжать борьбу.

– Ну так показывайте, – сказал он и прошагал из гостиной.

«Я сейчас выиграл этот раунд или меня просто сочли слишком мелкой сошкой?»

Женщина в чёрном платье повернулась и пересекла комнату – нет, проскользила по ней, проплыла мимо сбитых с толку лордов, которых не одарила ни единым словом, и ис-

чезла за той же дверью, что и герцог, а Шэй остался, всё ещё пытаюсь удержать взгляд, которого уже не было.

Лена, любовница герцога, была дракири.

* * *

Разве бывают такие совпадения? Встретить здесь кого-то с твоим именем, самым редким из заимствованных имён в этой стране.

Есть и другие отголоски. То, как она себя держит, гордая посадка головы. Глаза.

Впрочем, она, наверное, спит с герцогом, так что нам с ней много общаться не доведётся.

И, как бы там ни было, Лена, я никогда ни с кем не смогу говорить так, как мы разговаривали с тобой.

4

Он почти не спал: соловей будил его всякий раз, когда его сознание было готово ослабить хватку.

Утро дышало грядущей зимой – тонкий туман, обесцвевший воздух, сочился сквозь амбразуры, змеился вокруг бастионов и наконец растворялся в осадке на полу балкона. В дверь постучали – Бриэль пришла, чтобы проводить его на обещанную экскурсию по башне.

Официально она была опорным пунктом противочелночной обороны, и Шэй уже мысленно представил себе несоразмерный блиндаж. На деле она оказалась чем-то, чего он никогда прежде не видел.

Входить в неё было всё равно что входить в настоящий город – или скорее в скопление городов. Винтовая лестница, широкая, как рыночная площадь, вилась вдоль стены, оставляя в середине обширное ничто, пропасть, в которой пел ветер и от которой у Шэя кругом шла голова. Этот мир словно вышел из-под кисти любителя светотени, пристрастившегося к сильным контрастам: темнота ложилась чёрными кляксами попеременно с ослепительными пятнами дневного света – порталами в стенах башни размером с дом, окнами в дикую природу для баллист «земля – воздух». Одно такое окно располагалось через каждые два или три витка лестницы.

У этих проёмов и ютились люди – каждый портал представлял собой отдельный городок, свою собственную компактную среду обитания с лампами, лебёдками и тележками, с проблесками огнива, грохотом молотков, криками, смехом.

Башню нужно было мерить той же меркой, что и целый мир – только это был чуждый мир, повторявшийся снова и снова на подъёме к далёкой, призрачной прорехе в облака. Или это он заглянул в колодец? У Шэя снова закружилась голова, а верх с низом поменялись местами, словно вращались на осях гироскопа.

И он был в ответе за это, за эту вселенную.

– Не смотрите вверх, – сказала Бриэль. – По крайней мере пока. Вы привыкнете, Шэй. Я могу звать вас Шэй?

– Конечно, – сказал он, стараясь сделать так, чтобы его не вывернуло наизнанку.

– Сегодня я покажу вам пятый уровень. Это примерно в девяноста метрах над землёй.

– Боже.

– Это ещё ничего, немногим больше трети высоты башни, – улыбка, приподнятая бровь. – Текущей высоты, конечно.

– Мы пойдём пешком?

– О нет. Нет. – Она похлопала его по спине. – По крайней мере, не до самого верха.

«Она похожа на ребёнка, которому не терпится отправиться на прогулку по окрестностям», – подумал он.

Бриэль была полновата, и Шэй думал, что ей будет тяжело подниматься, но она как будто не шла по ступеням, а взлетала.

Они миновали группу людей в фартуках и со свёртками бумаг под мышками. У первого «городка» пахло жареным мясом, и из портала наружу выступал деревянный помост, на краю которого сидели рабочие; они ели, пили, переговаривались громкими голосами.

У третьего «городка» он подумал, не повела ли его Бриэль в бесконечное путешествие, в паломничество, которое

закончится тем, что они состарятся, заведут детей, но так и будут подниматься всё выше, пытаясь достичь некоей неведомой цели.

– Вот и оно, – сказала Бриэль.

На берегу бездны висело приспособление, похожее на деревянную клетку.

– Что-то мне подсказывает, вы хотите, чтобы мы проехали на этом.

– Надеюсь, вы страхом высоты не страдаете?

– Нет, но я страдаю нелепым желанием жить.

– Я за вами присмотрю. О, вам стоит выпить, это поможет.

Вон у тех ребят...

– Я не пью. Почему эта штука не висит на первом этаже?

– Чтобы рабочие не разленились.

Они шагнули в клетку, и Бриэль дёрнула за верёвочную петлю. Сверху донеслось слабое эхо – где-то взвизгнула лебёдка.

– И на какую высоту поднимается эта... хм, этот лифт? – спросил Шэй.

– До самого пятого уровня. На шестьдесят метров.

– Кажется, я только что передумал туда ехать.

– Поздно. – Она подмигнула ему, когда деревянный пол под их ногами начал покачиваться и легонько крутиться.

Колебания продолжились, изредка меняя направление, а клетка тем временем ползла к вершине башни. Ветер, проникавший через порталы, постукивал ею о лестницу, словно

терпеливый посетитель у двери.

– Можете отпустить, – сказала Бриэль.

Поначалу Шэй не понял, о чём она, но затем, как во сне, отстранённо посмотрел на свою левую руку – ею он мёртвой хваткой вцепился в один из деревянных прутьев, так что мягкая плоть побелела от натуги.

– Ну же! – Она рассмеялась, вскинув руки, и он разжал пальцы, подумав: «Как же красивы люди, когда они счастливы».

Затем он вспомнил о попытках диверсии. Кому могло захотеться разрушить это чудо, свой собственный мир? Его будущее зависело от того, будет ли башня построена, но сейчас беспокойство растворилось, уступив место чему-то тёплому, чему-то большому, расправившему его изнутри.

«Я бы тоже мог быть здесь счастлив. Мне просто нужно найти способ обойти всех сволочей».

Возможно, его просто захлестнуло волной эйфории, которой тело пыталось побороть страх, но сейчас он ощутил то же, что чувствовал по пути к замку – что вот-вот родится что-то новое.

– Теперь она у нас общая, верно? – сказал он. Бриэль стрельнула в него взглядом, и он прибавил: – Не переживайте, она по-прежнему ваше детище.

– Дело не в этом, – она покачала головой. – Я не настолько наивна, как вы думаете. Я знаю, что кто-нибудь – может быть, и вы – рано или поздно отберёт у меня это место. Для

меня это просто... мой шанс в жизни, шанс показать, на что я способна. – На этот раз улыбка была скупой.

На такой высоте температура упала, и башня задышала свежим мхом.

– Откровенность за откровенность, Шэй. Почему вы здесь? Обычно люди стремятся попасть на Красный холм, а не наоборот. Вы оказались здесь по своей воле?

– Нет, – сказал он. – Нет, мне просто указали на дверь.

Лифт протиснулся в квадратную дыру и поднялся к платформе, где их ждали трое мужчин. Двое пыхтели у колеса лебёдки, а третий, в фартуке, – видимо, бригадир – шагнул к Бриэль.

Она перепрыгнула на платформу, и у Шэя от страха высоты снова спёрло дыхание – лифт покачнулся, а за его краем была полоска зияющей пустоты. Он вытянул шею и посмотрел вниз, в спиралевидный мир.

Затем он шагнул вперёд.

Вместо очередного портала в противоположной стене башни зиял огромный беззубый рот, который, подобно зубо-врачебным приспособлениям, подпирали леса и стремянки.

– Место последней попытки диверсии, как заказывали, – сказала Бриэль. – Кто бы это ни совершил, я понятия не имею, как они смогли протащить сюда столько взрывчатки.

Шэй поднял руку, заслоняя свет, проникавший в дыру... и мысленно очутился в заляпанной сажей комнате, кашляя,

что-то крича и едва держась на дрожащих ногах. «Лена, Лена, сестрёнка». Что же он тогда кричал?

Он повернулся к Бриэль:

– Истина не всегда взрывоопасна, зато всегда легко воспламеняется. Знаете, кто это сказал?

– Что, простите?

– Кто осматривал это место?

– Люди Патрика.

– И они сказали вам, что тут произошёл взрыв?

Края дыры были вогнуты, словно что-то втянуло их внутрь.

Следы радости исчезли с лица Бриэль. Она изучающе посмотрела, но не на дыру, а на Шэя:

– Что вы хотите сказать?

– Мы можем взглянуть вон на то устройство дракири?

– Конечно, – коротко сказала она.

«Она нервничает... или раздражена на меня?»

Выше по лестнице разливалось болото лиловой дымки. По колено в ней группа рабочих кружила около похожей на яйцо штуковины, доходившей им до пояса, в длину сантиметров сто – сто тридцать. Устройство дракири мерцало, словно его окунули в какой-то причудливый, потусторонний фосфор.

Когда они приблизились к группе, один из рабочих – лысеющий мужчина с глазами печального лабрадора – поднял голову.

– Значит вы, господа, используете «тюльпаны»? – Шэй кивнул в сторону лилового свечения.

– Оно совсем не похоже на тюльпан, – сказала Бриэль.

– По-моему, похоже.

– Мы используем антигравитационные свойства устройств, чтобы снизить нагрузку на некоторые части конструкции, – сказала она. – Так строить быстрее.

– Покажите мне, как вы с ним работаете, – сказал Шэй.

Мужчина с глазами лабрадора склонил голову набок.

– Ну, кто-то один вращает кран, чтобы оно повисло в воздухе, и тянет за рычаг, чтобы стабилизировать его, если...

– Кто-то – это кто?

– В нашей бригаде с этой штуковиной обычно работает Майкл. Он сейчас двумя этажами ниже, я могу...

– Я хочу посмотреть, как вы это делаете.

– Я...

– Вас ведь учили, как обращаться с этими устройствами, верно?

Бриэль сказала:

– Все наши бригады прошли полный инструктаж.

– Просто у Майкла больше опыта, – сказал рабочий-лабрадор.

– А что, если он заболит? И вы не сможете дождаться его, потому что будут поджимать сроки? Я хочу посмотреть, как вы это делаете.

Тот скосил глаза на Бриэль, и она кивнула – медленно.

– Конечно, если вы не возражаете, миледи, – сказал Шэй. Она лишь снова кивнула.

Со сжатыми кулаками и напрягшимися под льняной рубахой мускулами, рабочий подошёл к Шэю, словно идя на эшафот.

Шэй вспомнил девочку из толпы, розовое платье, и сердце ёкнуло, но ему был нужен испытуемый.

– Пожалуйста, включите устройство.

Мужчина уставился на рычаг и на кран, явно колеблясь.

– Не бойтесь.

– Тебе нужно... – начала Бриэль.

– Не мешайте ему.

Рабочий вытер ладони о штаны, взялся обеими руками за кран, сжал и разжал пальцы.

Заскрипел металл, и «тюльпан» запел – сначала раздался свист, а затем голос окреп, стал глубже, приобрёл новые оттенки. Шэй мотнул головой, пытаясь побороть воспоминание о серых стенах, пятнах сажи, стульях с искорёженными ножками. «Проклятье, не сейчас, только не сейчас». Левый край устройства приподнялся над полом, и он краем глаза увидел, как остальные отступили подальше.

– Всё хорошо, продолжайте.

Рабочий остановил вращение и одной рукой ухватился за рычаг. Второй рукой, белыми от натуги пальцами, он всё ещё держался за кран.

В лиловое сияние упали капли – пот, но Шэй точно не

знал, чей.

– Думаю, я его стабилизировал, – произнёс дрожащий голос.

Песнь выровнялась, стала глуше, загудела.

– Разве он не... – откуда-то издали сказала Бриэль.

Одним концом устройство всё ещё касалось пола; оно было похоже на огромную перьевую ручку в невидимой руке.

– Продолжайте.

Тонкие пальцы снова легли на кран: десять градусов, двадцать, сорок пять.

Полная остановка. «Тюльпан» затрясся.

– Что будете делать дальше? – спросил Шэй.

– Я не знаю.

– Он всё ещё на земле.

– Я должен его стабилизировать.

– Вы уже это сделали.

– Значит, нужно повернуть вентиль. – Глаза умоляли: «Отпустите меня».

– Так чего же вы ждёте?

Рабочий снова разжал и сжал пальцы и расставил ноги пошире, словно пытаясь сохранить равновесие. На этот раз он крутил медленнее: три градуса, два, один.

Металл застонал, и Шэй произнёс:

– Достаточно.

Мужчина уронил руки, тяжело дыша, как атлет, только что пересёкший финишную черту. Шэй раскрутил вентиль,

пока тот не щёлкнул и напев не стих. «Тюльпан» опустился, и парящий конец мягко ударился о пол.

Стараясь скрыть свою собственную одышку, он повернулся к остальным:

– Ещё десять градусов, и эта штуковина бы схлопнулась. Полагаю, вы никогда подобного не видели, что хорошо, но я могу вам это описать. Устройство затягивает в себя всё в радиусе пятнадцати метров. Всё. Дерево, металл. Каменные стены. Людей. Само себя. Перемалывает всё и оставляет за собой искорёженные останки.

Он взглянул на рабочего с глазами лабрадора и впервые по-настоящему разглядел его: штаны с мешковатыми коленями, наивные глаза, ёршик рыжих волос. Мокрые пятна под мышками – свидетельство тех мук, которым его подверг Шэй. Он хотел сказать: «Мне жаль», – но затем подумал: «Лучшим извинением будет, если я всё исправлю».

– Миледи, – сказал он Бриэль. – С этой секунды к «тюльпанам» должны подпускать только опытный персонал.

Она пожала плечами:

– Пожалуй, это можно устроить.

– И прошу вас, если случится ещё одно схлопывание, немедленно пошлите за мной...

– Схлопывание?

– Неважно. Просто позовите сначала меня, а не Патрика.

После башни деревня была кукольным театром – карликовые дома, обрывки разговоров, слившиеся в один нудный монолог. Две дришки промчались мимо Шэя по главной улице; их пассажиры сидели, наклонившись вперёд с мрачной решимостью на лице, словно это они тянули повозку.

Он обнаружил, что в его покоях пахло. Вчера он этого не заметил, скорее всего потому, что обоняние привыкло к таким же ароматам в каюте воздушного челнока, но после башни у него прояснилось в голове. От диванов и королевской кровати исходил слабый запах нафталина. Шэй на всякий случай понюхал рубашку.

Двор под балконом пустовал.

Он прислушался, облокотившись о перила, и услышал лишь звук, похожий на «кар» – то ли кто-то пытался починить колесо телеги, то ли ворона решила продрать глотку, что было вероятнее. «Мы работаем днём и ночью», – говорила Фиона.

Шэй вышел в коридор – там было тихо, как в склепе. Носком сапога он толкнул ближайшую дверь, и та, к его удивлению, поддавалась, открыв вид на ободранную каменную клетку со скелетом дивана. За второй дверью было то же самое, только без мебели. Он зашагал быстрее, стуча в одни двери и распахивая другие.

Когда Фиона пришла, чтобы позвать его на обед, он уже полностью уверился в том, что единственным живым существом в гостевом крыле был он сам.

Герцог обедал в зале, в котором могла бы разместиться небольшая частная армия – с высокими арочными окнами и головами незадачливых вепрей, прибитыми над двумя каминами. Он бросил взгляд на Шэя и сразу же обратился к Патрику, сидевшему справа от него. Говорил герцог чересчур громко для помещения, в котором эхо могло вести самостоятельную беседу.

«Даёт мне понять, что моё присутствие ничего не значит? Ладно».

Здесь собрались все, кого он видел накануне: Патрик, Циан, Фиона, два советника, чьи имена он забыл, – за исключением Бриэль, которая единственная в этот час была занята чем-то полезным. То, как они расселись, позволило Шэю разобраться в иерархии – Патрик и Циан по стойке «смирно» по обе стороны от герцога, Лена – дальше всех.

Или же это они сидели в стороне от неё, от очертания щёк и волны чёрных волос, ниспадавшей на плечи?

Один из безымянных советников изобразил пустую улыбку и указал на место слева от себя, но Шэй вместо этого обошёл стол и опустился рядом с Леной.

– Надеюсь, вы не возражаете, миледи.

– Мистер Эшкрофт, – поздоровалась она.

Герцог одарил его ещё одним взглядом, на этот раз про-

длившимся на несколько секунд подольше.

«Иди к чёрту».

Шэй повернулся к ней:

– Вы не передадите мне рагу?

Она тремя пальцами подняла тяжёлую керамическую миску так, словно та ничего не весила.

– Благодарю, – сказал он. – Так вы, значит, дракири?

– А вы всегда столь прямолинейны, мистер Эшкрофт?

– Только когда у меня хорошее настроение.

Герцог, не глядя на них, повысил голос:

– ...кронпринц... Дума...

– Очаровательно, – шёпотом проговорил Шэй. – Не хочет, чтобы мы с вами разговаривали, так?

– А разве это не очевидно? Чего вы хотите, мистер Эшкрофт?

– Возница, подбросивший меня до замка, говорил, что ни один дракири не желает работать на стройке. Дело в технике? Вы считаете его опасным?

Она покачала головой.

Герцог сделал лёгкое движение запястьем, и советник, предложивший Шэю присесть, сказал:

– Милорд, что вы думаете о кронпринце?

Шэй пожал плечами:

– Он политик.

– И думец.

– Пускай политики обсуждают других политиков. Я боль-

ше к ним не отношусь.

Советник открыл и закрыл рот.

Шэй ощутил на себе взгляд Лены – она словно пыталась понять... что именно? Насколько он честен? Она была похожа на учительницу, живущую в семье торгашей, – слишком утончённую по сравнению с наглыми, хамоватыми соседями.

Шэй проигнорировал советника и наклонился к ней:

– Да я, наверное, никогда политиком и не был. Жил в Мукусной долине, пока мне не стукнуло двадцать семь. В первый год на Красном холме я понял, как себя чувствует деревенщина на городском празднике.

Она усмехнулась, и это была её первая непринуждённая реакция, которой он был свидетелем.

Его внутренний голос, однако, не смеялся. «Деревенский дурачок по городским расценкам. Вот поэтому они от тебя и избавились, не из-за того, что ты ослушался приказа, а потому что ты никогда не был там своим».

Мысль застала его врасплох. Он словно подслушал чей-то разговор; с самого перелёта на воздушном челноке где-то в уголках его сознания продолжалась работа, которая наконец вылилась в этот вердикт.

Выражение лица Лены изменилось, словно она прочла его мысли. «Хотя зачем ей мысли читать, если у меня и так всё на лице написано».

– Чутьочка искренности, – сказала она. – Это что-то новое. Они оба повернулись к своим тарелкам и на минуту со-

средоточились на еде, орудуя приборами под ритм отрывистого разговора между герцогом и Патриком.

– Вы когда-нибудь слышали о Башне-близнеце, мистер Эшкрофт? – наконец спросила она.

– Нет. Вам придётся меня просветить.

Она взглядом указала на герцога.

– Будет лучше, если я вам покажу. Это старое сказание дракири... по крайней мере, по мнению большинства. Завтра Равноденствие, в поселении пройдёт праздник. Если у вас найдётся время, можете ко мне присоединиться.

Герцог хлопнул ладонью по столу. На миг показалось, что сейчас он взорвётся, но затем его плечи расслабились, и на лице проступила карнавальная маска улыбки.

– Я правильно услышал, вы говорите о Равноденствии? Вы отмечаете его на Красном холме, Эшкрофт?

– Не отмечаем, милорд, по крайней мере, во дворце. Возможно, где-нибудь в пригородах...

– Вот как... а я уж было подумал, что мы с вами нащупали хоть что-то общее. Что ж, здесь мы эту традицию чтим по-нашему, по-оуэнбегски.

Шэй насадил кусок мяса на вилку.

– И как же вы её читите, милорд?

– Сегодня, накануне, мы проводим что-то вроде парада. К слову, не желаете побиться со мной об заклад?

– Только пьяницы бьются об заклад, а я не пью.

– В таком случае, считайте, что это испытание. В честь

Равноденствия мы устраиваем нечто прекрасное, и, готов поспорить, у вас не хватит духу принять в этом участие.

– О чём именно идёт речь?

– А-а-а. – Герцог помотал пальцем. – Заранее я вам ничего не скажу, Эшкрофт. В этом-то вся соль. Если вы участвуете, то участвуете вслепую.

– А если вы проиграете?

Взгляд герцога заострился, а глаза сузились:

– Тогда я вас не убью.

Лена повернулась и посмотрела на него. Циан завозился с вилкой. Патрик уставился на Шэя.

Секунду спустя герцог снова улыбнулся:

– Расслабьтесь. Я, конечно же, шучу. Вам так важно спорить на что-то, Эшкрофт?

Шэй вытер рот салфеткой и откинулся на спинку стула.

– Нет.

– Так вы принимаете пари?

«Не делайте этого», – одними губами произнесла Лена.

«Что он задумал? Могу ли я позволить себе отказаться перед всеми этими людьми?»

«Не делайте этого».

– Хорошо, почему бы и нет.

– Прекрасно, прекрасно. – Герцог хлопнул в ладоши. – Вечером будьте у ворот замка.

– Во сколько?

– Когда увидите снаружи толпу людей.

Твой голос вспоминается мне чаще, чем твоё лицо, а я-то всегда гордился зрительной памятью. Порой пишу письмо и слышу определённое слово или фразу так, как её произнесла бы ты. Иногда я и сам произношу их так же.

6

Стены замка сочились закатом, но ниже по склону кроны деревьев впитали все оттенки коричневого, словно осень выгорела, оставив за собой груды пепла.

– Так когда начнётся этот парад? – спросил Шэй у Бриэль. – А то вечер становится прохладным.

Она стояла рядом с ним, впереди Фионы и компании замковой прислуги.

– С минуты на минуту. Действо... оно не особо утончённое, так что на многое не надейтесь.

«А когда я на что-то надеялся?»

– Я распорядилась, чтобы подмастерья работали с устройствами только под надзором, – сказала она.

– Тут дело не в квалификации, всё намного серьёзнее...

В темноте за воротами что-то двигалось. Нечто высотой в пятнадцать футов покачивалось, спотыкалось и волочилось

вперёд, пытаясь выкарабкаться из утробы.

Слугам герцога пришлось накренить чучело, чтобы вытолкнуть его наружу. Белый мундир, красные штаны, эполеты – оно представляло собой грубое, но верное изображение владыки Думы. Лицо казалось нарочито примитивным – безносое, с чёрными пуговицами вместо глаз, словно в насмешку над знаменитыми чертами прототипа.

За чучелом следовал герцог; он стоял на деревянной платформе, покоившейся на плечах четверых слуг с кухни, всё ещё одетых в передники. Патрик и Циан брели следом. Шэй невольно испытал что-то сродни благоговению – герцог напоминал языческого бога, окружённого последователями, а передники вполне могли сойти за ритуальные ризы.

– Да начнётся торжество! – Герцог поднял руки. – Спустите эту мразь с холма.

– Я же говорила, – сказала Бриэль.

Они последовали за процессией; кронпринц раскачивался впереди, подобно бакену или танцору, двигавшемуся под музыку, чересчур медленную или чересчур торжественную для восприятия на слух.

Люди герцога установили чучело в месте, которое с большой натяжкой можно было назвать деревенской площадью, – перед лавкой мясника, на полоске земли, которая в прошлой жизни скорее всего была общественным садом, ныне выкорчеванным. По улице пополз шорох, двери начали открываться, и наружу стайками по двое и по трое стали выходить лю-

ди.

Они собирались вокруг центра площади. Шэй и не предполагал, что деревня могла похвастаться столь многочисленным населением, но всякий раз, когда он думал, что поток людей иссяк, толпа вздрагивала, шла рябью и выталкивала на поверхность новое лицо.

«Оставайся на месте». Он чувствовал себя как на ладони. Голым. Мальчишки с кухни опустили платформу, позволив герцогу сойти на землю.

– Давайте выкажем нашему думскому другу немного уважения.

Секунду никто не двигался, затем женщина в коричневом платье отделилась от толпы, бросилась вперёд и плюнула кронпринцу под ноги. Герцог улыбнулся. Двое мужчин последовали примеру женщины.

– Только передний ряд! – проревел Патрик.

С задних рядов пришёл ропот, распространился подобно заразе: «Мразь, мразь, мразь».

Мужчина в центре действия продолжал улыбаться, и его улыбка вместе со скандированием и колыханием толпы оказала на Шэя гипнотическое воздействие.

– Варварство. – И всё-таки он не мог отвести взгляд.

– А страх – это всегда варварство. – Бриэль наклонилась к нему. – Кое-кто тут боится. Приходит в ужас при мысли, что может увидеть в небе челнок.

– Благодарю вас, благодарю. – Герцог помахал руками, ла-

донями вниз, словно успокаивая толпу. – Не знаю, слышали ли вы, но сегодня с нами гость с Красного холма. Не потрудится ли он выступить вперёд?

Ропот растворился в шёпоте.

– Что он делает? – Шэй повернулся к Бриэль.

Она вздохнула:

– А теперь начинается самое неприятное.

– Эшкрофт, выходите сюда, ко мне. – Герцог сказал это тише, но так, чтобы Шэй услышал.

Бриэль промолчала, и под пристальными взглядами он направился к чучелу.

– Зажги факел. – Герцог протянул руку к Патрику. – Давай.

Чиркнуло огниво, и маленький огонёк присоединился к большому, поджаривавшему западный горизонт.

Конец факела наклонился, указывая на Шэя.

– Возьмите его и сожгите принца, Эшкрофт.

– Что?

– Сожгите принца.

– Это же безумие. – Взгляд Шэя наткнулся на лицо женщины, на черепашую кожу мешков под неподвижными глазами. Вокруг него было множество пустых глаз и пустых лиц.

Он повернулся к герцогу:

– Неужели вы не понимаете, насколько это унижительно, причём для всех присутствующих? Это чучело – пошлая насмешка. Он ничего не сделал ни вам, ни мне. Его здесь нет.

Он даже не может защитить себя.

– О, он прекрасно может себя защитить. – Факел выплюнул несколько искр. – Воздушными челноками.

– Когда вы в последний раз видели, чтобы думский челнок пересёк границу?

– А этого никогда не случится, потому что башня собьёт их. Собьёт их все. А теперь, Эшкрофт, – на губах герцога промелькнуло подобие улыбки, – давайте посмотрим, достаточно ли сильно вы любите свою страну. Если любите, то сожжёте эту мразь.

Шэй взял факел и поднял голову: под таким углом плывущие в небе облака создавали впечатление, что лицо чучела ожило; было легко представить, что пуговичные глаза смотрят куда-то вдаль.

Ропот снова начал нарастать: «Мразь, мразь, мразь».

Что они с ним сделают, откажись он? «Они могут подпалить меня вместо принца и завтра списать всё на несчастный случай».

– Да пошли вы к чёрту, – сказал Шэй и швырнул факел на землю.

Воцарилась полная, гнетущая тишина. Несколько долгих мгновений герцог изучающе смотрел на него.

– Дай мне ещё один, Патрик. Я же говорил, что вам не хватит духу, Эшкрофт. Мы здесь повидали достаточно сочувствующих Думе, знаем, как их различать. – Огонь зашипел, пожирая солому. – Но вы запомните этот момент.

«Ххаа», – выдохнула толпа.

Пламя поползло по белой униформе тянувшимися к облакам пальцами, и в его свете сотни мошек роились вокруг людей герцога и пылающего чучела, словно искры костра ожили и слились в хаотичной, неистовой оргии.

7

Лена сдержала слово и взяла его на прогулку.

Поселение дракири, в двадцати километрах от замка, было ярким пятном среди однообразных деревень и холмов; огоньки его воздушных змеев порхали на высоте третьего, четвёртого этажей. Оуэнбегские дома были самое большое двухэтажными, некоторые практически вросли в землю, а здесь даже деревья за стенами городка казались выше, зеленее, их кроны были усыпаны тёплыми бумажными фонариками, словно готовыми взлететь мотыльками.

Лена сошла с повозки и передала деньги вознице.

– Мы вернёмся через пару часов.

– Мне пригласить его пойти с нами на праздник? – сказал Шэй.

– Не дразните людей, мистер Эшкрофт.

– Должен признать, я представлял себе нечто иное, когда услышал слово «поселение».

Мостовая под их ногами была чистой и плоской, словно отполированной морской водой.

– Самодельные палатки и костры?

– Ну что-то в этом духе, – сказал он. – А тут всё больше похоже на столицу, не хватает лишь пары деталей.

– Каких?

– Вам не приходится приподнимать подол платья.

С противоположного конца улицы, утравшего в свете холодного осеннего солнца, к ним подбежала ребятня, двигаясь со скоростью вдвое быстрее обычных детей.

– Конфеты, конфеты, прекрасная леди, у вас есть конфеты?

– Полагаю, вы забыли их дома. – Шэй рассмеялся, стараясь удержать равновесие среди наплыва маленьких, сильных тел. – Но они правы, вы действительно прекрасно выглядите.

– Красота сегодня в воздухе, мистер Эшкрофт, – сказала она, потрепав по волосам ближайшего мальчишку.

И она правда была в воздухе, в орле, кружившем в тёмной синеве, во флагах на перекрещивающихся верёвках над рыночной площадью, в узорах вен на руках мужчины, протянувшего им кружки с грогом.

– Сколько мы вам должны? – спросил Шэй, но тот только помотал головой.

– Меня здесь знают, – сказала Лена.

– Так вы местная знаменитость?

– Не я. Моя мать. Она была известной пейзажисткой.

Мимо них прошла милующаяся парочка, он – в зелёном бархатном жакете, она – в платье цвета красного вина.

– Я не пью, но могу сделать маленькое исключение в честь
Равноденствия.

– Спасибо.

– Позвольте спросить, а вы сами пишете картины?

Она пожала плечами:

– Немного.

Шэй прислонился к столбу и сделал глоток.

– Что ж, хотя бы сахар мы изобрели раньше вас.

– Вообще-то у нас есть кое-что получше. – Лена что-то
сказала на языке дракири, и старик протянул Шэю миску с
коричневым порошком.

– Так я и думал. – Он снова чуточку отпил. – Вкусно. А это
что за приспособление? – Он указал кружкой на середину
площади.

– Карусель.

– Что-то научное?

– Вы, должно быть, шутите. На ней катаются. Она крутит-
ся.

– То есть снаружи должен стоять человек, чтобы её рас-
крутить?

– Ну в принципе можно побегать вокруг, потом запрыг-
нуть.

– Давайте попробуем.

– Мистер Эшкрофт, она же для детей.

Возможно, за него говорил алкоголь, но Шэй сказал:

– А я сейчас как раз чувствую себя ребёнком. Мы же на

празднике, верно? Давайте дерзнём.

– Давайте, – сказал продавец грога.

В его глазах они, наверное, и правда были детьми.

Лена покачала головой:

– Не могу поверить, что соглашаюсь.

Они одновременно поставили свои кружки на деревянную стойку.

Бегать кругами по рыночной площади, полной зевак, было действительно странно, но стоило ему шагнуть на карусель, как всё вокруг растворилось в движении. Он посмотрел на Лену – чёрная волна её волос наконец распустилась и разметалась по воздуху. Мир кружился, синицы чирикали, и свет, жёлтый, холодный и таявший, играл между гирляндами.

Когда стойки с грогом вокруг них остановились, кто-то одобрительно свистнул, и несколько дракири захлопали в ладоши.

Лена отвесила изящный поклон и посмотрела на Шэя:

– Спасибо вам.

– За что?

– За то, что позволили мне почувствовать себя... – она шагнула на мостовую, покачнулась, и он поймал её за локоть, – ...как дома. Вы знали, что я лишь наполовину дракири?

– Нет.

– Мама полюбила графа. Он умер, когда мне было четыре.

– Мои соболезнования.

– Я его почти не знала.

Они пересекли площадь, лавируя между парочек и stacks радостных ребятишек, и нырнули под бельевую верёвку, узкую апельсиновыми бумажными фонариками.

– Куда мы направляемся теперь?

– Я обещала рассказать вам о Башне-близнеце.

– Обещали.

Переулок заканчивался четырехэтажным домом, простым на вид, с коричневыми стенами и пустыми глазницами окон. Она повела его по ступенькам внутрь.

– Пожалуйста, подождите секунду.

Она постучала в дверь; ей отворила женщина с серебряными волосами, заплетёнными в две косы, которые доходили ей до пояса. Они перекинулись парой слов на языке дракири, и женщина снова исчезла, оставив дверь открытой.

– Она не пригласит нас внутрь? – спросил Шэй.

– Дракири не пускают незнакомцев под свою крышу.

Женщина вернулась с фолиантом в руках, который она молча передала Лене.

В конце коридора было окно, выходившее на задний двор, и Лена положила книгу на подоконник. За стеклом ветви деревьев играли с лучами солнца, посылая солнечных зайчиков резвиться на тыльной стороне её ладоней.

– Тамара – архивариус, мама когда-то брала у неё заказы на реставрацию. Этой книге две сотни лет; тогда наш народ ещё жил в Пангании.

– Мне очень жаль, – сказал Шэй.

– Чего жаль?

– Я имею в виду геноцид.

– Ну, мы все ещё живы. А вам нужно разучиться извиняться – в Оуэнбеге вам это может сослужить плохую службу.

Она пролистала книгу, пока не нашла иллюстрацию – равнина, посреди которой возвышалась протянувшаяся через всю страницу башня.

Шэй сказал:

– Выглядит знакомо.

– Не правда ли? Мы всегда ведём тщательные записи. Диаметр сооружения был девяноста метров, и нам удалось достичь высоты в триста тридцать, когда...

Она перевернула страницу, и на следующей иллюстрации башня была уже не одна.

Из горной гряды на дальней стороне равнины выступало нечто – жирный, чернильный столп.

– Видите ли, – сказала Лена, – мы считаем, что произошедшее случилось по двум причинам: из-за размеров башни и из-за антигравитационных свойств устройств, которые мы использовали при строительстве.

– О чём вы? Что это? Ваш народ построил вторую башню?

– Вторая башня возникла сама собой. За ночь. А затем...

Она снова перевернула страницу.

– Что это за чёрточки?

– Масштаб рисунка не позволяет показать их детально, мистер Эшкрофт. Но это дракири. Горящие люди.

В голове Шэя эхом отдались слова капитана: «Примерно триста. И, поговаривают, они собираются нахлобучить сверху ещё триста»... Вид заднего двора за окном представлял собой идиллию сельской жизни: полоса травы в тени дерева, скамья цвета осенних листьев, собака, слизывающая прохладу с лапы, но это ленивое послеполуденное спокойствие каким-то образом придавало правдоподобие рисунку в книге, словно мир умышленно принял умиротворённый вид, чтобы скрыть нечто ужасное.

– Теперь вы знаете, почему на стройке нет ни одного дракири, – сказала Лена.

– Почему же вы продали герцогу свои антигравитационные устройства?

– Мы ничего не продавали. – Она склонилась к нему. – Мы отдали их задаром, все, что у нас были.

– Потому что он угрожал вам...

– Нет. Потому что мы больше не хотим таскать дришки. Мы хотим получить билет в ваше общество.

– Что было внутри той второй башни? Почему дракири сгорели?

– Она называется Башней-близнецом, и она – проход.

– Проход куда?

– В ад, наверное. Образно говоря. Видите ли, мистер Эшкрофт, что-то явилось через тот проход, но мы не знаем,

что именно. Нам известно, что обе башни были уничтожены; можно лишь предположить, что главный инженер среагировал быстро и взорвал нашу. Были погибшие. Но что касается людей, участвовавших в этом кошмаре... У нас нет никаких сведений о выживших.

* * *

Мне бы хотелось так много тебе рассказать, столько историй, простых, и смешных, и печальных. Я ловлю себя на том, что вспоминаю что-то просто потому, что оно могло бы быть тебе интересно. И хотя время – песок, порой я теряю бдительность и во мне вспыхивает надежда: что я вернусь домой и расскажу тебе о чём-то.

8

Сон, в котором он пробирался через поле горящих чучел, прервался настойчивым стаккато косяшек – кто-то барабанил в дверь его покоев.

У ворот замка его уже ждала дрикша.

Даже за километр было ясно, что случилась беда. Ветер тянул плоские шлейфы от факелов у подножия башни, из-за чего казалось, будто гигантское сооружение плывёт на дыму: огромный маяк или кит, раздувшийся и кишачий розовыми

опарышами. Восточный горизонт отражал то же розовое сияние – похоже, к четырём часам утра у того, кто расписывал мир, стали заканчиваться краски.

Тележки, носилки, солдаты, медики; большинство было похоже на статистов в пьесе. Мальчик лет пятнадцати или шестнадцати – вероятно, подмастерье – тарашился на факел, словно зачарованный пламенем. Шэй обратился к мужчине в покрытой ржавчиной кирасе, который, задрав голову, стоял одной ногой на парадной лестнице.

– Что происходит?

Тот не шелохнулся.

– Говорят, ещё одна бомба.

Внутри башня была расписана всеми оттенками ночного неба и звёздного света. Тьма тянулась, лепила пространство, как из глины: эти огни могли бы быть факелами на очередном витке лестницы или домами на далёком берегу. Шэй не видел места происшествия, но по внутренней стене расплозалось жирное пятно жёлтого света – на втором или третьем этаже, согласно классификации Бриэль.

Выходящие наружу порталы чередовались: в одних зияла тьма, в других виднелась тонкая полоса разгорающегося рассвета. Ветер налетал холодными пощёчинами, заставив Шэя пожалеть, что не оделся теплее.

Эхо голосов. Каждый раз, когда ему доводилось попадать в эпицентр трагедии, Шэй чувствовал себя как во сне, словно это он помогал происходящему обрести форму. Повернись

он и уйди – и всё исчезнет, как будто ничего и не было. В мире, где большинство людей встречались или слышали друг о друге лишь однажды, легко вообразить, что того, о чём не знаешь, просто не существует.

«Город» впереди утонул в луже расплавленного воска с застрявшими фитилями факелов.

Раздался отчётливый баритон Патрика, ему возразило меццо Бриэль. Пламя пожирало их силуэты и очерчивало карикатуру на старческий рот с морщинистыми губами – портал для баллисты, изуродованный силой, способной смять камень.

– ...продолжить его допрашивать, – говорил Патрик.

– Он – один из моих ребят, и что ему сейчас нужно, так это помощь медика, – Бриэль.

– Он может не пережить спуск.

Прямо между ними лежало шерстяное одеяло, а на нём – тело, руки и ноги вывернуты, как у брошенной марионетки. Воспоминание о закопчённой комнате снова нахлынуло на Шэя, и он впился ногтями в ладони.

Видимо, он громко вздохнул, потому что Патрик повернулся и сказал:

– Здравствуйте, мистер Эшкрофт.

«Сосредоточься».

– Что здесь произошло?

Бриэль покачала головой.

– Тут...

– А вы сами не видите? – спросил Патрик.

– Я спрашиваю, известны ли вам какие-либо подробности.

– Челнок, – простонал мужчина на шерстяном одеяле. – Воздушный... челнок...

Он встрепенулся, как птенец, готовый взлететь.

– Ради всего святого, можете его укрыть? – Шэй огляделся. – Эй! Кто-нибудь, принесите ещё одно одеяло или полотенце, хоть что-нибудь.

Бриэль кивнула стоявшему рядом мастеру.

– Думские, диверсанты, – сказал Патрик. – Чёртовы думцы.

Шэй прищурился. «Он что, серьёзно?»

– С чего вы взяли?

– Вы его слышали. Он видел челнок. С этой стороны башни видно только думские челноки.

– И что? Что это доказывает?

Патрик промолчал, изучая его.

Шэй заставил себя взглянуть на покалеченного.

– Вы его не узнаете? – сказала Бриэль.

Ёжик рыжих волос, глаза печального лабрадора. Кто-то накинул на тело два полотенца, едва прикрыв туловище и руки. Повинуясь порыву, он встал на колени и взял мужчину за руку – взгляд рабочего сместился, сфокусировался, боль уступила место узнаванию.

– Мне очень жаль. – Шэй погладил его по тыльной стороне

ладони – та же плоть и кровь, что и у него, только на ощупь как пергамент. – Мне очень жаль. Кто работал с «тюльпаном» в этот раз?

– Майкл. Это был Майкл...

Шэй поднял глаза на Патрика, который сказал:

– Уже внизу, – что означало, что Майкл был либо мёртв, либо без сознания.

– Он его стабилизировал? – спросил Шэй.

Парень-лабрадор помотал головой из стороны в сторону.

– Я не трогал. Я не трогал устройство, как вы мне и говорили.

Он произнёс это таким тоном, каким ребёнок мог бы сказать: «Я не виноват, не виноват, пожалуйста, не наказывайте меня».

Мир стал размытым, и Шэй вытер глаза, надеясь, что остальные не заметят. «Он сделал то, что я ему сказал, сестрёнка, но всё равно случилась беда».

Парень продолжал смотреть на него.

– Нужно усилить охранные меры, – сказал Патрик Бриэль. – Чтобы уж точно...

– Вы о чём? – Шэй выпрямился. – Совсем спятили? Рабочий увидел воздушный челнок, и вы сразу же списываете всё на диверсию? Вы и ваш герцог – худшие параноики, которых я видел за свою жизнь.

– А что, вы думаете, произошло? – спросила Бриэль.

Шэй повернулся к ней.

– Эти инженеры – дети, играющие с заряженным арбалетом.

– Мои люди не...

– Точно-точно. И это не их вина. И не ваша, миледи... если вам от этого легче. Этот техн не под силу никому, кроме тех, кто его создал.

«И даже они, судя по всему, его боятся».

Рука Патрика легла ему на плечо.

– Вы понятия не имеете, о чём говорите, и я не позволю вам вмешиваться.

– И что же вы сделаете, Патрик? – у того расширились зрачки, и тишина распространилась вокруг них, как волна домино. Шэй осознал, что ему стоит понизить голос, но ещё он понял, что не будет этого делать. – Королева отправила меня сюда осуществлять надзор за стройкой, и, небеса мне свидетели, именно так я и поступлю.

Желваки на челюсти Патрика вздулись, но он убрал руку. Однако глаза продолжали сверлить его.

– Мы можем обсудить это где-то в другом месте? – сказала Бриэль.

– Всенепременно обсудим. – Шэй посмотрел на парня-лабрадора, который к тому моменту провалился в беспмятство. – Обсудим. «Только не с вами».

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл. Он оглянулся только раз: Бриэль на коленях поправляла полотенца, а Патрик разговаривал с двумя стражниками.

«Мне просто нужно всё исправить, сестрёнка».

9

У Шэя не получилось снова уснуть, и вместо этого он мерил шагами балкон, проигрывая в голове неизбежный разговор. У него имелся хороший козырь – в изгнании или нет, он всё же являлся интендантом королевы, – однако этот козырь был единственным, в то время как у герцога их было предостаточно. Они находились в его вотчине, и если ему хотелось использовать её как почву для небольшого антидумского культа и жечь чучела своих воображаемых врагов, то у него, по всей видимости, для этого хватало средств и поддержки.

Когда пробило восемь утра, Шэй умылся, надел камзол и вышел из покоев.

Он прошёл по коридору к лестнице, минуя двери, которые, как он теперь знал, никуда не вели, всё ещё репетируя попытки убедить своего оппонента, – и именно поэтому заметил необычный шум лишь в тот момент, когда его нога уже опустилась на первую ступеньку.

Шум доносился сверху – кто-то волочил ноги, кто-то тяжёлый.

– Фиона? – позвал Шэй и подумал: «Если только она не набрала за ночь полсотни килограммов, это не она».

Помедлив, он вжался в стену. В темноте огромная фигура

прошаркала в нескольких сантиметрах от него, запах пота смешивался с чем-то сладковатым – Шэй подумал, что так, наверное, пахнет медовая отрыжка.

Сердце забилося в два раза быстрее. Фигура ныряла в тени коридора, выплывая на свет у газовых ламп, пока не замерла у входа в покои Шэя.

Незнакомец надавил на дверную ручку с неожиданной осторожностью, напомнив Шэю профессионального боксёра, посмотреть на бой которого его водили во время дипломатической миссии. Тот наносил завершающие удары с такой же сдержанностью.

«Потому что знает, с какой лёгкостью может что-то сломать».

Шэй взглянул на серый свет, просачивавшийся с лестницы: отсюда он мог за двадцать секунд пересечь крепостные стены, причём его шансы оторваться были неплохими – он был намного легче того, кого подослали в его покои. Десять секунд, чтобы подняться по лестнице, двадцать секунд, чтобы добежать до нового замка. Полминуты.

Он выдохнул и на цыпочках пошёл по коридору. Он зайдёт незнакомца внутри. Шэй знал, как разговорчивы становятся люди, посидев немного в замкнутом пространстве.

У двери он потянулся за ключом, которого не было.

«Проклятье».

Тумбочка. Он оставил ключ на тумбочке. Шэй бросил последний взгляд на лестницу, теперь сжавшуюся до бледного

пятна в конце туннеля. Отсчитал ещё десять секунд.

Толкнул дверь и шагнул внутрь.

В гостиной занавески шептались и ласкали ветерок; в спальне тоже было пусто, но на столике рядом с кроватью блестел металл. Шэй был на полпути, когда парень вышел из ванной. Глаза были опущены, он зашнуровывал штаны, и к сладковатому запаху теперь примешивался запах мочи. У Шэя промелькнула глупая мысль: «Неужели он зашёл только для того, чтобы помочиться?» – и в этот момент незнакомец поднял голову. Рука, словно действуя отдельно от тела, метнулась за спину, произведя на свет нож длиной с половину предплечья.

Когда он замахнулся, Шэй подался вперёд, перехватил его кисть и потянул стопятидесятикилограммовую тушу мимо себя. Он надеялся заломить мужчине руку и вывернуть плечо, но тот лишь пошатнулся. Стряхнул его. Снова замахнулся, сбоку, вслепую, оставив кровавый след на правом рукаве камзола Шэя.

Выругавшись, Шэй нырнул противнику за спину и вложил весь вес в единственный удар под рёбра.

И пока гора жира и мышц переводила дыхание, он воспользовался единственным доступным ему вариантом – побежал.

По коридору, к блёклому свету, просачивавшемуся с верха лестницы.

Сверху раздался звук шагов.

Ну конечно. Это было логично – тот, кто хотел его убить, наверняка бы подстраховался, если только не был совершенным глупцом. Два человека, направляющиеся в заброшенное крыло, могли вызвать подозрения, но можно было послать туда сначала одного, а второй бы завершил начатое.

– Проклятье, – сказал Шэй. – Чтоб вас.

Не обращая внимания на боль, он врезался плечом в ближайшую дверь – и тут же снова захлопнул её, на этот раз изнутри.

Шаги двух человек сходились, стуча по камню. Когда они встретились, на миг повисла тишина, после чего раздался грохот чего-то тяжёлого.

Женское контральто произнесло:

– Откройте дверь, мистер Эшкрофт.

Он выдохнул.

– Пожалуйста, откройте дверь.

Лысый мужчина лежал на полу, прижав колени к груди и словно в порыве скромности подложив руку под живот. Щетина блестела, свет газовой лампы оборачивал серебром каждый волосок. Рядом с ним стояла Лена, и волна её волос всё так же ниспадала по одну сторону лица. «Эти ребята приложат вас по голове всей тачкой», – вспомнил Шэй.

– Он мёртв?

– Думаю, что нет.

– Благодарю вас, миледи.

– Не стоит.

Он вышел в коридор и потыкал тело носком сапога.

– Этот парень с вами вряд ли согласился бы – вы всего-на-всего спасли мне жизнь. Миледи, пожалуйста, помогите мне вытащить его в комнату. – Ему пришло в голову, что и в той толпе протестующих наверняка были такие же громилы... «Боже, да как я могу так думать?» Он сжал лоб кончиками пальцев. «Это ведь были люди, невинные люди». – Мне нужно его допросить.

Одним плавным движением Лена опустилась на колени и потянула мужчину за челюсть.

– Смотрите.

– Нет языка!

– Некоторым вещам учишься у соседей. В Думе так делают.

«Я не позволю вам вмешиваться».

– Его отправил Патрик.

Лена пожалала плечами и двумя пальцами отбросила назад волосы.

– Возможно. Но поводок позволяет псу отойти ровно настолько, насколько того желает хозяин. И на случай, если у вас возник вопрос – нет, герцог мне ничего об этом не говорил.

– Вы и герцог... – Шэй проглотил остаток фразы. «Зачем я это сказал?»

Впрочем, она всё равно не ответила.

– В таком случае, что нам с ним делать? – Он мотнул го-

ловой в сторону тела.

– Вы ничего не можете сделать, – сказала Лена, – поскольку вы были мишенью. Оставьте его мне. Я позову стражу и прослежу, чтобы он вас больше не побеспокоил. Не думаю, что в ближайшее время будут ещё попытки, однако не стоит рассчитывать на то, что они сдадутся.

– Похоже, местным «мистером Популярность» мне не стать.

– Скажите спасибо своей королеве за то, что она поставила вас в такое положение. Я знала, что кто-нибудь из них попытается вас убить.

– А вы спасаете всех незнакомцев, которые забредают на огонёк?

– А что, не стоит? – Полуулыбка сменилась усталостью – от чего? От жизни? От своего положения? От окружавших её людей?

Шэй вспомнил карусель и сказал:

– Вы потрясающая... в смысле личность как личность. Простите. Кажется, эта стычка вывела меня из равновесия, я больше не соображаю, что говорю.

– Не забывайте, что я показала вам в поселении. Ещё увидимся, мистер Эшкрофт.

Она зашагала прочь изящной походкой, словно принадлежала к той жизни, которую он оставил позади, с её золотом, искрами, залами, платьями и вечерами на террасе на Красном холме, с которой открывался вид на реки света.

– Ещё увидимся, – сказал он ей вслед.

Он снова взглянул на тело, а затем последовал за Леной на крепостные стены.

* * *

Ты помнишь, как мы смотрели на звёздный свет, мечтали о будущем, придумывали наши завтрашние жизни? Я возвращаюсь к этим моментам, помню, что было, но не могу вспомнить, что чувствовал. Думаю, во мне что-то надломилось. Возможно, я сам себя сломал, чтобы не допустить разочарования. Мы на многое идём, чтобы избежать боли, Лена, и по дороге теряем что-то важное.

Так же, как я продолжаю терять тебя.

10

– Где герцог?

Фиона не подняла головы от кипы бюрократических бумаг на столе, но её перо заворчалось быстрее.

– Я работаю, мистер Эшкрофт.

– Где герцог?

– Тоже работает.

Он подался вперёд.

– Где он?

– В башне совета. Но я уже сказала вам...

Башня совета была серым пальцем, увитым диким виноградом, обнимавшим щербатые кирпичи в попытке сбежать от холода и света, который превращал жизнь в набросок на пожелтевшей бумаге.

Винтовая лестница заканчивалась единственной дверью, и он просто распахнул её.

Герцог поднял глаза; если он и удивился, увидев Шэя живым, то не подал виду.

Вот это – тени, сырость, стол со следами кружек на поверхности, одна ножка которого покосилась под пока ещё не критичным углом, – это и был зал совета. Патрик сидел, уставившись на стену, как и второй советник – Циан, а Бриэль листала пачку бумаг толщиной с палец.

– Вы хотели нас видеть, Эшкрофт? – сказал герцог. – Патрик говорит, что у вас есть какие-то идеи о том, как решить нашу небольшую проблему.

– Да. Уберите из башни весь техн дракири.

– Мистер Эшкрофт, пожалуйста... – Бриэль оторвала взгляд от бумаг. – Мне кажется, вы спешите с выводами.

Герцог улыбнулся одними губами:

– Так вы завершили осмотр достопримечательностей?

– Завершил.

– И вы, по всей видимости, считаете себя умнее всех нас? Вы пробыли здесь пять дней и за это время докопались до корня наших проблем?

Шэй сказал:

– Иногда нужен просто взгляд со стороны.

– Да это смешно, Эшкрофт.

– Неужели? Я осмотрел два места, где якобы произошла «диверсия». Характер разрушений соответствует тому, что я называю «схлопыванием». То бишь явлением, обратным взрыву. Он также похож на последствия других инцидентов с устройствами дракири, которые я видел.

– Видели когда? В бытность свою министром?

– Неважно. Подумайте о своих людях, герцог, о рабочих. – Мысленно Шэй снова увидел девочку в розовом платье. «Я как телега в колее, – подумал он. – У меня нет выбора. Остаётся лишь двигаться вперёд». – Вот, что дальше произойдёт: я отправлю отчёт Дэлин. Возможно, она сразу мне поверит, и вы получите приказы со следующим же курьером. Возможно, она отправит кого-то ещё для проверки. Возможно, она посетит вас лично. И, возможно, она подумает о том, чтобы заменить неугодного лорда, поставившего под угрозу проект астрономической стоимости.

– Я уважаю мнение лорда Эшкрофта, – сказала Бриэль, – но доказательства косвенные.

– Вовсе нет. Это даже не в теории. Миледи, если вы играете в азартные игры, давайте поспорим – я готов поставить всё на то, что никаких диверсантов не было, а были лишь ваши рабочие, возившиеся с инструментами, которые они не в состоянии понять.

– Довольно. – Патрик со свистом опустил ладонь на стол. – Почему мы вообще это обсуждаем? По-моему, очевидно, что вредители – из Думы. Как вы сами сказали, милорд, он некомпетентен в вопросах...

Герцог крутанулся на каблуках:

– Кто бы говорил, а, Патрик? Человек, который не смог выполнить простейшее поручение?

Он либо считал себя чересчур умным, либо даже не потрудился завуалировать смысл своих слов.

«Ладно, значит, приказ убить меня действительно отдал этот старый подонок».

– Возможно, кое-кому пора в отставку, – сказал герцог.

Впрочем, это неуклюжее вмешательство сыграло Шюю на руку. Лицо Бриэль покраснело; она посмотрела на Патрика и закусила губу; скорее всего она не знала о покушении, но поняла: герцог в ярости на своего военного советника, что ей было невыгодно.

И она решила не оставаться в стороне:

– Милорд. Милорд, вот мои расчёты. Всё совершенно безопасно...

Взгляд герцога переместился на неё:

– Я согласился на ваше первоначальное предложение лишь потому, что вы обещали мне удвоить скорость строительства.

– Признаю, что чересчур оптимистично оценила...

– Чересчур оптимистично, чтоб вас! – Он взял себя в ру-

ки. – На деле-то скорость упала, потому что эти чёртовы штуковины ещё нужно устанавливать, я прав? А теперь Эшкрофт говорит, что ваши люди даже не умеют ими пользоваться. Что техн ставит под угрозу всё строительство. Это так?

– У меня тут расчёты...

– Нет. – Герцог опёрся о стол и помахал пальцем перед Бриэль. – Нет. Цифры ваши мне не нужны. Скажите мне, существует ли вероятность того, что он прав.

– Расчёты... – прошептала она и посмотрела на свои руки. – Я не знаю.

Герцог выпрямился и хлопнул себя по бокам.

– Да вы, ребята, все просто молодцы. Вы хоть представляете себе, как я буду выглядеть в глазах Дэлин, когда она прочитает его отчёт?

По его глазам Шэй понял, что сейчас всё решится. Бриэль тоже это поняла и рывком поднялась:

– Милорд, без техна строить с той же скоростью не получится, но можно применить пару уловок, да, есть несколько вариантов, если мы откажемся от техна, но они нам дорого обойдутся, очень дорого, и мы потратим время, да, так что скорость снова упадёт – поначалу, но затем вернётся на прежний уровень, пожалуйста, подумайте, во что это обойдётся. Мы можем натаскать рабочих в обращении с техном. У меня тут расчёты.

К концу этой невразумительной тирады все в комнате

смотрели на неё. «Дело точно не в скорости строительства, – подумал Шэй. – Она беспокоится о чем-то ещё».

Ноющее чувство посетило его, поползло по рукам, сдавило плечи.

«Что? Что я упустил?»

Но на тонкости терпения герцога уже не хватало. По всей видимости, было только одно, что он ненавидел больше, чем вмешательство в свои дела, – проявление слабости.

– Уберите эту дрянь с моей башни и уничтожьте её; я не желаю оставлять почву для слухов. Подавайте старухе Дэлин свой отчёт, Эшкрофт, и не забудьте упомянуть, что мы навели порядок у себя на заднем дворе.

11

После зала совета Шэй сообщил Фионе, что желает переехать в центральную часть замка.

Солдат помог ему перенести вещи.

Дверь в его новые покои была приоткрыта – он толкнул её и оказался в почти такой же комнате, что и раньше, только больше; к стене прислонился толстый винный шкаф под гранёным стеклом, а окна выходили на башню совета и ведущую к ней крытую галерею. На сквозняке занавески раздувались, как паруса брига, готового не то отправиться в путь, не то войти в гавань.

– Входите, лорд Эшкрофт, я принесла вам подарок на но-

воселье.

– Бриэль?

Она сидела на диване в самом тёмном углу гостиной с бутылкой вина в руке.

Шэй сказал:

– Что ж, это очень неожиданно...

– Зачем? Зачем вы приехали? Почему вы просто не закончили с собой, когда королева отстранила вас от дел?

– Что?.. Вы пьяны...

– Да, пьяна. – Она отсалютовала ему наполовину пустой бутылкой. – А что мне ещё остаётся? Они отобрали вашу жизнь, а вы приехали и сделали то же самое со мной. Но, тсс, слушайте... – Она качнулась вперёд; ноги были скрещены. – Вы не только мне всё испоганили, Эшкрофт. Вам тоже конец, понимаете? Потому что в чём там заключалась ваша миссия – обеспечить постройку башни? «Проект астрономической стоимости» и всё такое? Ну так вот, теперь об этом можете забыть. Нам конец, обоим.

«Что я упустил?» – На его лбу выступил холодный пот.

– О чём вы говорите?

– Я допустила ошибку, ясно? Я ошиблась в расчётах. С таким диаметром фундамента мы ни за что не достигнем шестиста метров. Чёрт, да она и с текущей-то высотой простоит не больше трёх месяцев. Рухнет. Слышите меня? Рухнет.

– Говорите потише.

На негнущихся ногах он подошёл к двери – в коридоре

было пусто – и закрыл её.

– Что произошло, Бриэль?

– Я так хотела получить эту работу. – Она прикрыла рот тыльной стороной ладони. – Старый подонок поставил жёсткие сроки, и я не перепроверила расчёты. Я ошиблась!

– Чёрт возьми, говорите тише. Пожалуйста.

– Нет, я хочу, чтобы все знали. Я устала пытаться это скрыть. Пусть все знают! Патрик, Циан, Лена, Фиона, вся их чёртова шайка! Пусть знают. Бриэль, главный инженер, заперла свои расчёты!

Постепенно начало приходить понимание.

– Пожалуйста, Бриэль. Давайте поговорим. Можно как-то исправить ситуацию?

– Нельзя. Он уже приказал списать устройства. Всё кончено.

С закрытой дверью занавески вяло повисли, словно говоря: «Вот и всё, ты не справился и теперь можешь забыть о Красном холме».

«Не справился».

Затем королевой был отдан приказ

Отправить слугу на границу.

Слуга оказался не шибко умен

И жизни там быстро лишился.

Он избежал покушения едва-едва, – но предпоследняя строчка четверостишья срифмована была правильно.

Дворняга щёлкнула в воздухе челюстями.

– Я так сильно хотела эту работу. – Бриэль опустила голову. – Ничего никогда сильно не желайте, Эшкрофт. Я думала, что, может быть – может быть – я так даже смогу попасть в столицу. На Красный холм.

Шэй оглядел комнату, выщербленные каменные блоки, занавески.

– Я вас хорошо понимаю.

Он подошёл к винному шкафу. Открыл его. Вынул два бокала.

– Хотите выпить?

Часть II

Противник

1

Молот поднимался и падал аритмичным пульсом, как старческое сердце, пропуская удар всякий раз, когда зубило, по которому он ударял, входило в устройство ещё на дюйм. И всякий раз половинки оболочки расходились всё дальше, розовое свечение, которое сочилось из расширяющейся щели, становилось всё гуще, и человек в защитной маске подавался назад.

– Ты ведь понимаешь, что это опасно, – сказал Шэй. – Эта штуковина может схлопнуться.

Бриэль, не мигая, смотрела перед собой:

– Теперь я вижу, почему ты называешь их «тюльпанами». Потому что они распускаются, да?

«Распускаются, точно, – подумал он. – Для них времена года меняются, а мы застряли здесь, в этой осени».

Ветер поднялся и взъерошил крону старого разросшегося дуба, швырнув пригоршню листьев на ряды устройств дракири у его подножия. «Мы ведь тоже бросаем землю на гробы, только наши не сужаются на концах». «Тюльпаны» стоя-

ли вертикально, прицелившись в небо. Мужчина с молотом и зубилом был человеком, две застывшие рядом с ним фигуры – дракири. Шэй уже научился отличать их по чуть вытянутому телосложению, чересчур расслабленной позе. «Вы не найдёте на стройке ни одного из наших», – говорила Лена, но, похоже, следить за тем, как демонтируются устройства, было совсем другое дело.

Странная троица – и множество точно таких же были разбросаны по полю среди яйцеобразных устройств.

– Всё равно что присутствовать на массовых похоронах, – сказал Шэй.

– Стало быть, хочешь произнести речь?

– Как-то не вовремя у тебя появилось чувство юмора, Бриэль. Сколько осталось времени до того, как она рухнет? – «Она, и то, что осталось от моей жизни».

Гигантская башня сейчас казалась миражом, пастельно-серым и водянистым, маячившим за полями.

– Что, ты уже и дни разучился считать? – спросила она. – Я давно тебя не видела... Когда ты в последний раз выходил из своих новых покоев?

Шэй пожал плечами:

– Наверное, неделю назад. Не знаю. – Он взглянул на неё. – Подожди секунду... ты меня осуждаешь, что ли? Как будто ты сама не пьёшь.

– Я пью ровно столько, сколько нужно, чтобы сохранить рассудок.

– Так, может быть, моему рассудку нужна большая доза.

«Тюльпан» издал громкий треск, заставив стайку чёрных птиц разлететься с ветвей дуба, а мужчину с молотом – вздрогнуть и отшатнуться. Зубило осталось вонзённым в щель, как нож в рану.

Один из дракири сказал что-то успокаивающим тоном.

– Ты знаешь, что внутри? – спросила Бриэль.

– Нет. Десять лет назад мы не умели их разбирать.

– Что же вы делали?

– Хоронили их. – Его мысли метнулись к комнате с измазаннми сажей стенами, но на этот раз они там не остались: он вспомнил подвал под люком из палисандра, и память отозвалась тупой болью, словно кто-то ковырнул струп на ране. Он помотал головой. – Не понимаю, почему дракири не участвуют в демонтаже.

– В этом вся соль: у нас рука легче. Я слышала, как один из них говорил...

– Что мы рождены, чтобы уничтожать эти устройства.

– ...что мы рождены, чтобы их разбирать.

Оболочка распалась на скорлупки.

Внутри «тюльпан» оказался почти пустым. Тонкий стебель тянулся по всей длине устройства, набухая лиловым цветом, рябил, как воздух в жару, и расширялся посередине, образуя...

– Похоже на тело, разве нет? – сказал Шэй или подумал, что сказал.

Контур ноги, намёк на бедро, может быть, безрукий торс. Или же у него просто разыгралось воображение. Дракири, говоривший ранее, достал нечто похожее на пару плоскогубцев, которые он одновременно прикрепил к обоим концам «силуэта». Он держал плоскогубцы, пока пурпур и рябь не угасли, а затем стебель на вытянутых руках побрёл к деревьям, к погребальной груде таких же тонких, длинных вещей.

Мужчина в маске подобрал зубило и направился к следующему «тюльпану».

– И вот так повседневное берёт верх над прекрасным, – сказал Шэй. – Пойдём. Здесь больше не на что смотреть.

Он повернулся, когда услышал негромкое:

– Я выправлю башню.

– Что? Ты же говорила, что фундамент слишком маленький.

– Так и есть. Но вчера я произвела расчёты – может быть, если мы укрепим стены...

– Ты же сама в это не веришь.

– Я попытаюсь укрепить стены.

– Бриэль, послушай меня.

– Что ты от меня хочешь, Шэй? – Она подалась к нему, и её дыхание миниатюрным облаком вырвалось сквозь стиснутые зубы. – Сидеть и смотреть, как она рушится? Даже не попытаться спасти труд всей моей жизни?

Он взял её за руку.

– Подумай о безопасности строителей.

– Поверь мне, они в порядке. Излишняя нагрузка не скажется на здании ещё два месяца.

– Ладно. Ладно. Послушай, Бриэль, я дам тебе – нам – два месяца. Затем мы сдадимся королеве Дэлин.

Он сразу же пожалел о том, что не сформулировал это иначе – гнев Бриэль рассеялся, словно из воздушного шарика выпустили воздух, и, как и от «тюльпана», остался лишь уязвимый стебель.

– Пожалуйста, до тех пор не говори никому об этом, Шэй. Не говори им... о моей ошибке.

Ему хотелось сказать: «Это не твоя вина. Просто время поджимало, и вообще все ошибаются», – но в тот же миг Бриэль усмехнулась:

– Смотри, вот и козёл идёт.

Между рядами устройств двигалась высокая сутулая фигура, похожая на усталого священника, которому опостытели погребальные обряды.

– Ты знаешь, что герцог назначил его главным по демонтированию? Это как расплата за все те пустые разговоры о вредителях.

Патрик, военный советник герцога, подошёл к ним, стряхивая со своего плаща влагу. Он встал лицом к лицу с Бриэль и выпрямился.

– Уничтожать устройства – пустая трата времени. – Он улыбнулся одними губами. – Чистая трата времени и денег.

Что бы он там ни говорил, башня пострадала в результате диверсии.

– Эй, я вообще-то здесь, – сказал Шэй.

Патрик перевёл взгляд на него, и его рот открылся и закрылся, словно тело искало наиболее подходящий способ излить презрение.

– Есть особый вид столичных свиней, – сказал он, – которые приходят на наши земли и гадят.

– И как же Шэй умудрился нагадить на твоей земле, Патрик? – спросила Бриэль. – Ты ведь даже не родом из Оуэнбега.

– А тебе следовало бы быть умнее, Бриэль. Ты что, спишь с ним?

– Ну всё, хватит, – сказал Шэй. – Стоит мужчине с женщиной остановиться и поговорить, как вы сразу же начинаете подозревать, что они любовники?

Но Патрик не принял вызов; он лишь пожал плечами, поправил плащ и прошагал мимо них.

Шэй повернулся, провожая его взглядом:

– Выглядит он скорее подавленно. Герцог им недоволен, верно?

Бриэль кивнула:

– Патрик провалил какое-то важное задание.

«Видимо, то, где он должен был избавиться от меня».

– И потом, – сказала она, – он много месяцев обещал поймать думских диверсантов.

– Да нет никаких диверсантов.

Силуэт Патрика выступал на фоне раскислого серого неба, как палец, и Шэй с удивлением осознал, что не может заставить себя ненавидеть его.

Бриэль сказала:

– У меня ещё есть сомнения... и, как видишь, у Патрика тоже.

Разве он мог ненавидеть этого подонка? «Власть Дэлин разъела меня, власть герцога – его. Просто с Патриком это случилось быстрее».

В новых покоях, которые ему, без сомнения, скоро придётся освободить, Шэй открыл винный шкаф и посмотрел на пустые бутылки. Они назывались Вторник, Среда, Четверг, Пятница и Суббота. Вторник он выпил первой за много лет – купил её сам, как и Среду; остальное пришло в полотняных мешках, которые таскал деревенский мальчишка.

Теперь, когда устройства дракири были уничтожены, а разрушение башни стало неизбежным, пришло время послать за чем-нибудь покрепче.

2

И когда мальчишка не объявился, Шэй взял дело в свои руки.

В деревне, похоже, не помнили сожжения чучела и какую роль он в нём сыграл. Чем он был для этих людей, просто

тенью? Если так, то ему бы хотелось исчезнуть полностью. Прошлой ночью ему пришло в голову бежать из герцогства, стать отшельником, однако отвращение к собственным мыслям взяло верх. За всю свою жизнь он ни разу не прятался от ответственности; было бы стыдно начинать сейчас.

Он уже был готов открыть дверь таверны, когда услышал:
– Мистер Эшкрофт!

Волна чёрных волос, на этот раз сопровождавшаяся улыбкой.

– Я так понимаю, вы переехали в новые покои? – Лена, пряча руки в муфте, шла к нему по мостовой. – Я не видела вас с... с того, что было в гостевом крыле. Вы избегаете компании?

– Я... – Хвала небесам, ещё пять минут, и она поймала бы его с поличным, то есть с полным холщовым мешком. – Нет, ничего такого. Просто временная хандра, скоро пройдёт.

Она медленно кивнула:

– Это из-за убийцы?

Ему потребовалась секунда, чтобы осмыслить её слова – смертный приговор башне отодвинул неудавшееся покушение настолько далеко, что ему пришлось сосредоточиться, чтобы вспомнить о нём.

– Я так толком и не поблагодарил вас за то, что вы меня спасли, – сказал он.

Лена приняла это за утвердительный ответ.

– Я могу вас понять. Что вы чувствуете. – Она вниматель-

но посмотрела на него. – Вы собираетесь заходить или только что оттуда?

– Только что оттуда.

– Тогда позвольте мне вам кое-что показать.

Снова, как и в поселении, она повела его по переулку, только теперь у здания в конце вместо двери зиял чёрный прямоугольный провал.

Два этажа, кружево фронтонов, эркер, широкое крыльцо – дом явно раньше принадлежал кому-то богатому. Забросили его, видимо, недавно – в некоторых окнах ещё оставались стёкла.

– Что это за место? – спросил он.

– Дом для необычного семейства.

Внутри за жизнь ещё цеплялись хлопья краски – карминовые на стенах, бирюзовые на перилах лестницы, остатки румян на лице старухи. Лена присела на корточки у камина, а Шэй остановился у одного из ещё целых окон. Оно обрамляло скромные деревенские красоты: последние яблоки на дереве, брызги зелени, уцелевшие в пожарах осени, тонкую, позолоченную купальню для птиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.